

18+

Зулкар Хасанов

**От добра
добра
не ищут**

Зулкар Хасанов

От добра добра не ищут

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57394297

ISBN 9785005132789

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Нина Ивановна Буцына: «Эта книга мне близка по духу и содержанию. Она до слёз навеяна воспоминаниями о моём босоногом, безрадостном и безотцовском детстве, о красивой небольшой деревне с названием „Садовка“, в которой проживала моя семья: мама с тремя детьми. Кругом цветущие сады, много солнца, рядом речка и луга, лес огромные поля. Тяжело было жить и нашим деревенским женщинам, в основном вдовам, работать в колхозе от зари до зари».

Содержание

ЗУЛКАР БИКМУХАМЕДОВИЧ ХАСАНОВ	7
Слово автора	9
Игорь Михайлов	11
Рассказы	14
Дядя Вася	14
Случаи	26
Развод1	40
На даче «Наша доля»	47
Брожение в умах	58
Абитуриент	77
АВОСЬ	88
Судьбы2	102
Конец ознакомительного фрагмента.	113

От добра добра не ищут

Зулкар Хасанов

Редактор Игорь Михайлович Михайлов

© Зулкар Хасанов, 2020

ISBN 978-5-0051-3278-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Зулкар Бикмухамедович Хасанов

ЗУЛКАР БИКМУХАМЕДОВИЧ ХАСАНОВ

Родился в деревне Султанмуратово Аургазинского района Башкортостана 25 октября 1931 года. Деревня Султанмуратово возникла из глубины седых веков 260 лет назад и ожила в нелегких судьбах людей этой удивительной деревни, где появился на свет и земляк автора, известный писатель Галимджан Ибрагимов, просветитель и общественный деятель. О деревне, ее жителях подробно написано в книге Галимзяна Алимбекова «Верой и правдой служили Отечеству...» Благодаря великим трудам большого любителя и исследователя истории Галимзяна Ибрагимова стало известно, что предком Зулкара Хасанова был Салей Капкынов 1662 года рождения. Хорошо потрудился в архивах Галимзян Алимбеков. Редко кому так везет.

Нелегкие детские годы Зулкара Хасанова прошли во вновь организованной деревне Кзыл-Яр в пяти километрах от деревни Султанмуратово. Он учился в городе Давлеканово, в селе Большая Дмитриевка Саратовской области, в Саратове. Служил в морских пограничных частях на Тихом океане около пяти лет. Работал по специальности «Транспорт, хранение нефти и газа» в разных городах страны. В Калуге в середине 60-х годов прошлого века работал главным

инженером нефтебазы, на Калужском турбинном заводе – на различных инженерных должностях. В 1992 году ушел на пенсию.

Любовь к литературе привела его к писательской деятельности. Начал писать в начале 21-го века. Мастерству его учили заместитель главного редактора журнала «Юность» писатель Игорь Михайлов, а также писательница и руководитель творческого агентства «Вперед, к мечте!» Марина Елькина. Публиковал свои литературные произведения в журнале «Юность» в 2010—2017 годах, а также в литературных альманахах «Писатель года», и «Российский колокол». Награжден дипломом победителя творческого конкурса журнала «Юность» за 2014 год. Член Российского союза писателей с 2014 года. Опубликовано три книги: «Записки обывателя» – 2008 год, «О силе духа, любви и милосердии» – 2011 год, сборник «Век живи – век надейся» – 2014 год.

Слово автора

Какое слово я хочу сказать вам, дорогие мои читатели, прежде, чем вы приступите к чтению мой книги.

Уже в преклонном возрасте я задумался, что надо рассказать своим близким – детям, внукам, правнукам и просто людям о памятных событиях прожитой жизни. Это была непростая задача – загрузить себя событиями ушедших дней. Начал писать в начале 2008 года, когда уже вышел на пенсию, уж очень просили об этом дети. Печатались мои рассказы и повести почти ежемесячно в журнале «Юность» в 2010—2017 годах. Пришлось освоить компьютер, дело оставалось за «небольшим» – написать литературные произведения. Трудно было – написал более 40 рассказов и 3 большие повести. Содержание повестей и рассказов – о порядочности, честности, любви; о болезнях и человеческих слабостях – обмане, пьянстве, предательстве, о других проявлениях человеческой жизни. Ведь жизнь познается в трудах, заботах и пороках. Эти знания учат людей вере, доброте, воле и свободе. Первая моя книга называется «Записки обывателя» – это автобиографическое произведение со многими памятными записями, изданная в 2008 году в издательстве научной литературы имени Бочкаревой Н. Ф. в Калуге. Книга «О силе духа, любви и милосердии» издана в 2011 году в Воскресенской типографии под покровительством доволь-

но известного писателя Марины Валерьевны Елькиной. Говорю ей большое спасибо за помощь, проявленную доброту и уважение к моим трудам. Выражаю свою благодарность писателю, заместителю редактора журнала «Юность» Михайлову Игорю Михайловичу за поддержку и публикацию моих произведений в журнале Юность». Третья книга – «Век живи – век надейся» издана в Калуге в 2014 году.

Эта книга-сборник состоит из ранее изданных доработанных произведений с добавлением новых. Книга называется «От добра добра не ищут» – так называется повесть, которая присутствует в этой книге. Повесть рассказывает о перестройке, о жизненных трудностях россиян в конце двадцатого века, о неверности жены мужу. Повесть «Женщины» – о нелегких судьбах российских женщин в годы войны. «Миг» – рассказ о людях.

Зулкар Хасанов

Игорь Михайлов

Напутствие Зулкара

Калуга – небольшой губернский город, от Москвы недалеко, но у Калуги свой нрав, весьма экстравагантный и особый, на Москву не похожий. Видимо, поэтому литераторы не обошли Калугу своим вниманием. В частности считается, что прототипом «Пиковой дамы» из драмы Пушкина послужила Наталья Петровна Голицына, получившая прозвище «Усатая княгиня» за усы, которые выросли у нее в старости. Имение Голицыных – Городня (Красный городок) – в 10 км от Калуги. Калужская губерния связана с именами Ивана Мятлева, Алексея Кольцова, рода Гончаровых, Марины Цветаевой и т. д. Понятное дело, что Наполеон бежал из Москвы именно по Калужской дороге не за тем, чтобы узнать, чем славен этот городок. Но все же примечательно: Калуга – эпицентр, без которого важнейшие дела, которые задумываются в Москве или вообще в центре, не имеют своего разрешения. Если бы не было Калуги, то и варилась бы Россия в собственном соку. Если добавить сюда Циолковского, то и вовсе понятно: Калуга дала России космос. А без космоса, что за Россия?

Не обижена литературой Калуга и сегодня.

К тем именам, которыми привыкла гордиться земля ка-

лужская, принадлежит по праву имя Зулкара Бикмухамедовича Хасанова.

Зулкар Бикмухамедович Хасанов родился в году 1931-м, 25 октября далеко от этих благословенных мест, в деревне Султанмуратово, что на Южном Урале. Через 10 лет грянула Великая Отечественная. Лишь в 1949 году молодой человек закончил 7 классов Большедмитриевской средней школы. А потом были служба в армии, учёба в техникуме, затем рабочие университеты.

Про таких людей, как Зулкар Хасанов говорят – становой хребет: от рабочего человека он прошел долгий и трудный путь до главного инженера. Выйдя на пенсию, Хасанов не стал вести традиционный для пенсионера образ жизни. Словно бы не успокоившись на достигнутом, он бежит от своих болезней, горьких сетований на судьбу, старости. В свои немалые годы он захотел поделиться с родными и близкими своим сокровенным.

И вот – новая книга: «От добра добра не ищут».

Повесть «Женщины» и многие из рассказов были опубликованы в журнале «Юность»: «Сновидение», «Дунул», «Дядя Вася», «Случай», «Зачет», «Едем на Черное море», «Развод», «Журавель», «На даче», «Наша доля», «Люди и бесы».

Небольшая книга. Но за ними большая, трудная, но такая славная жизнь рабочего человека, о котором у нас в последнее время стали забывать. А зря...

Ведь книга – все равно, что пройденная жизнь.

Зулкар Бикмамедович оглядывается назад, и ему не стыдно за прожитые годы. Его совесть чиста.

Я бы поставил его в пример молодым и людям среднего возраста. Жалко, что хороший пример нынче не заразителен.

На телевидении показывают в основном тех, кто кого-то убил или что-то украл.

А хороший человек – не профессия. Хороший человек – это судьба. И судьба щедро одарила Хасанова большой и дружной семьей, которой он и оставляет это свое напутствие.

Напутствие сына большой страны, чью судьбу одну на двоих он выстрадал вместе с нею.

Лев Толстой сказал о таких, как Хасанов, людях:

«Бывает труд ненужный, суетливый, нетерпеливый, раздраженный, мешающий другим и обращающий на себя внимание. Такой труд гораздо хуже праздности. Настоящий труд всегда тихий, равномерный, незаметный».

Прочитавшие эти строки будут, надеюсь, Хасанову благодарны.

Рассказы

Дядя Вася

Василий Николаевич, попросту говоря – дядя Вася – калач тёртый. Дядя Вася хватил лиху на своем веку. Были у него невзгоды, взлёты и падения. Его родители, нижнего сословия, крестьяне, не дали ему необходимого образования. Закончил дядя Вася всего лишь церковно-приходскую школу. По этой, а может, по какой другой причине, не любил Василий Николаевич, когда звали его по имени-отчеству, всегда просил своих товарищей, друзей величать его «дядя Вася», так удобнее. Так и повелось – дядя Вася. Сейчас ему уже за пятьдесят, небольшого роста, коренастый. Вася уже выглядит не так, как в молодости: спина сутулая, лысина, лицо в морщинах, угасающие глаза посажены глубоко. Взгляд проникновенный, доверчивый. В молодости жизнь помотала его по разным губерниям и весям, поэтому в разговорной речи присутствуют говоры народов разных волостей. Кем только он не побывал! Ещё мальчишкой работал конюхом у богатых господ, извозчиком, дворником, и ещё бог знает кем.

В пятидесятые годы прошлого века забросила судьба дядю Васю в Нижнее Поволжье на пивной завод, где подрядил-

ся он на грузчика.

В те времена пивоварни варили неплохое пиво. В пивных мужик сидел вальяжно. К пиву полагались раки и вобла. Кружку закрывала пышная пенная «подушка», как снег на вершине Эльбруса. Под пиво велись нескончаемые, как дорога на Москву, разговоры за жизнь, — о спортсменах, футболе и, конечно, о женщинах.

Вася на работе ежедневно заполнял 90 мешков со зрелым солодом и относил их к бункеру на расстояние в 20—25 метров. Солод высыпали в бункер, и он шёл дальше по технологической цепочке. Для одного человека это тяжело, а вот вдвоём куда сподручней. Сегодня ему обещали прислать молодого человека на подмогу. Дядя Вася, крякнув, выпил пива и сел дожидаться напарника.

Студент медицинского института Валерий Смирнов только сдал экзамены. Сегодня надо идти на временную работу грузчиком на пивзавод. Слава Богу! Будет стипендия. В предыдущем семестре такого счастья по причине задолженности по одному из предметов не было. Туговато пришлось. Часто приходилось подрабатывать то на выгрузке баржи с арбузами, то вагонов с цементом, углём и другим прочим.

Валерий сегодня проснулся рано. Всё же первый день, как бы не опоздать на работу. Из общаги вышел рано. Утренняя заря вставала на востоке, красная, как арбуз. На улице не было суеты и утомительной дневной жары. За ночь ас-

фальт успел остыть, приятно было пройтись ранним утром по городу пешком. Трамваи ещё спали. Валерий вырос в деревне. На вид покладистый, лицо в веснушках.

Дядя Вася сидел на мешке с солодом, наслаждаясь пивом, которое только что отогрел в горячей воде из котельной.

– Здравствуйте, – бодро и отрывисто обратился Валерий к сидящему на мешке человеку.

– Здравствуй, милоч! Пришёл ко мне в помощники? Давай

познакомимся. Меня зови дядя Вася. А тебя-то как величать?

– Меня зовут Валера Смирнов, по отчеству Львович, студент, только закончил сдавать экзамены, вот пришёл поработать.

– Где живут твои родичи-то?

– В деревне Ивановка, за Лысой горой.

Дядя Вася оценил его физические кондиции.

– Валер! Носить мешки-то ты сможешь, сила-то есть, аль как?

– Я думаю, что смогу. Меня в Ивановке звали Валера Геркулес.

– Это как? Ты што, аль, правда, сильный? Гдекося ты накачал силище?

– Как где? На току, в Ивановке. Я там перекидал лопатой, наверно, не одну тысячу тонн зерна.

– Неужто тыщу тонн? О-го-го!

– Да, наш бригадир Петрович учил: «Не брезгай лопатой, тогда и денежки

будешь грести ею!».

Вася подумал про себя: «Молодой, а каков гусь! Денежки хочет грести лопатой».

– Любо, любо! Щас те расскажу, что мы будем делать. Значит, так, Валер! Нам нужно вон оттель, – дядя Вася указал своим чёрным, как негр, пальцем на солод, рассыпанный на полу хранилища, – насыпать 90 мешков солоду и принести вот сюды, к бункеру, где мы сейчас разговаривам. Мы работам сами по себе. Приходи завтра к 5 часам утра. Управимся пораньше – и по домам.

– На другой день в 5 Валерий уже был на месте. Дядя Вася по обыкновению разминался водочкой, бутылочку с водочкой он постоянно держал у себя в шкафу. Понюхав засохший хлебец, он обратился к Валерию:»

Ну что, давай, Валер, за работу».

Дядя Вася повеселел, потянуло его на разговор.

– Сколько ентого солода я натаскал, Валер, только Бог один знат. Его – эть, мене самому приходится накладывать в мешки, а потом ташшить к бункеру. Сыпать-то одному дюже неудобно. А теперь будем накладывать вдвоём.

Они, не торопясь, приступили к делу.

– Дядя, Вася, вы держите мешок, а я насыпать буду.

– Пожалуй, Валер, верно, ты же горазд работать лопатой.

Они заполняли мешок за мешком. Работали без отдыха,

перекуров. Вскоре насыпали 45 мешков солода. Теперь надо было их отнести к стоящему в отдалении бункеру. Валерий всю инициативу взял на себя, носил мешки ловко и быстро.

– Валер, ты молодец! Когда же ты научился так шустро работать? – Дядя Вася, так ведь в деревне всегда есть, что делать. Дома у меня остались мамаша с младшим братишкой. Все дела по хозяйству в основном выполнял я, а теперь уже братишка подрос, его очередь помогать матери.

– Да, видать, Валер, у вас дружная семья. Это хорошо.

Дядя Вася с женой Верой Петровной жил в комнатулке коммуналки на четыре хозяина. Детей у них не было. На кухне почти постоянно, как вечные огни, были зажжены горелки трёх газовых плит. Тут же занимались и стиркой, и обсуждали все новости, кухня большая, как вселенная. Людей, правда, тоже немало, ежели прибавить сюда ещё и квартирантов. Дядя Вася любил поговорить со всеми, на жизнь не жаловался, за свою долгую трудовую деятельность и биографию он всё познал, всё повидал. Он считал, что его судьба определена самим Богом, и жаловаться некому. Кроме Бога, конечно. От трудов праведных дядя Вася сильно уставал и ложился спать рано. А поутру он поднимался и шёл на работу. К работе Вася приступал только после стопки сорокаградусной и закуски. Он проделывал это каждый день, иначе работа у него не шла. Дядя Вася являлся на работу всегда первым. Не спеша, крякал, похмелялся, ожидая Валерия.

– Сынок! Ты не сердчай, что я балуюсь водочкой и пивком.

Так ведь здесь етого пива «море».

– Дядя, Вася, и давно Вы так?

– Как те сказать, сынок, ни много, ни мало – годов десять.

Мене здесь харашо. Мной правит Лександра Сергевна, голова этой богадельни, главный пивовар. У ей ндрав хароший. Она, как перенесу 45 мешков солода, даёт мене 3 литра пива.

– Дядя, Вася! Вы славно живёте. Каждый день пиво с утра, не брезгуете и водочкой.

– Пока, Валер, слава, Богу, ничего, управлямся. Пиво оно невредное, жизнь только украшат. Водочка мене оживлят. Я и пью-то только утром чуток.

– Эх, дядя Вася!

– Валер! Все ведь пьют и ничего, живут.

Взяв мощной, словно крабова клешня, рукой трёхлитровый бидон, дядя Вася пошёл к главному пивовару за пивом. Половину задания выполнили, стало быть, надо получить у главного технолога награду. Заодно прихватил с собой хозяйственное ведро, чтобы набрать горячей воды в котельной для сугрева холодного пива. Вернувшись, дядя Вася разлил пенящийся напиток по кружкам. У него хранилась всегда запасная.

– Валер, давай, сынок, утолим жажду. Пиво – полезительный напиток. – Дядя Вася, я не пью, да и зачем, мы же на работе. Потом тяжело мешки ворочать.

– Ладно, Валер, не понуждаю, я ополощу немного горло, у мене там совсем сухо, как в Сахаре.

– Дядя Вася, это всё оттого, что вы с утра прополаскивали горло водочкой, а теперь вот тушите пожар пивом. Этак и сопьёшься.

– Ну, что ты, Валер, нет, конечно, просто водочка мене заряжат, я хорошо прилаживаюсь к работе, так нам не одолеть столько мешков.

– Эх, дядя Вася!

– Тяжко мне, Валер. Жена болеть. Получила инвалидность на работе. Это, как её, работала оператором на наливном пункте нефтезавода, измеряла высоту налива бензина в железнодорожной чистерне. Клапанщик — железнодорожник, будь он неладен, проверял клапана, там, запорные устройства чистерны и кинул свой чяжёлый ключ на простор, на землю, а там кандыбала моя супруга. Дурак, да и только, потому как не в ту сторону чистерны кинул. Ключ попал прямо ей по кумполу. Вот с тех пор она и лечится. Вряд ли вылечится, у ей сильно болит голова. Она мене очень дорогой человек, а помочь ничем не могу. Ужас, как я расстраиваюсь. Ентому не видно конца. Утешаю и успокаиваю себя водочкой и пивом. Вот така история, Валера.

Дядя Вася добавил ещё. Потом ещё. Так бидон и уговорил потихоньку.

«Да, совсем мужик спивается. Пиво на водку, да ещё мешки таскает», – подумал про себя Валерий.

– Валер, допей, осталось уж немного.

Пришлось Валерию ради дядиного Васиного здоровья по-

ступиться принципами. После чего дядя Вася мог только мешки держать, а всё остальное пришлось доделать Валерию. К обеду управились.

– Ну что, дядя, Вася, как мы поработали?

– Ты, молодец, Валер, могёшь работать. Дай Бог те здоровья!

– Дядя Вася, дай, Бог, чтобы вы пить бросили.

– Нет, Валер, это невозможно. Надо ищо укрепить свой дух, – веско сказал дядя Вася и достал четвертинку из шкафа. Откупорив её, приложился к ней, словно горнист.

Тем временем Валерий решил посмотреть окружающие их сооружения. Здесь на втором этаже ничего кроме большого количества солода и бункера, к которому они носили солод в мешках, не было. Он спустился по крутой деревянной лестнице на первый этаж. Прошёлся по коридорам. В одном очень большом помещении увидел громадные чаны с пивом.

– Вот это да, сколько же здесь этого пива, – подумал Валерий. Все стены, потолки окутаны снегом. Прямо зима. Находиться здесь долго нежелательно. Возвращаясь назад, размышлял, как помочь дяде Васе и его жене. Пожалуй, можно обратиться к ректору медицинского института, заведующему кафедрой неврологии и нейрохирургии Ивану Александровичу Васильеву. Нелишне будет нанести визит и главному пивовару Александре Сергеевне, чтобы она придавила пивной крантик. А не то, не ровен час дядя Вася сопьётся. В один из дней, после работы, Валерий попал на при-

ём к профессору. Профессор Васильев любезно принял студента Смирнова, подающего большие надежды, внимательно выслушал его и назначил день, когда можно прийти к нему на приём в клинику. Валерий буквально сиял, как самовар. Да и дядя Вася и Вера с нетерпением ждали назначенный день приема профессором. Наконец такой день настал. О чём говорил профессор этой несчастной супружеской паре, никто не знает. Весьма возможно пожурил, что необходимость серьёзного обследования Веры Петровны давно была очевидна. Многие больные выносят сами себе приговор. Болезнь тогда только неизлечима, когда больной перестаёт верить в выздоровление. Профессор направил Веру на дополнительное обследование. В результате оказалось, что болезнь можно серьёзно облегчить, а возможно, и победить недуг.

Дядя Вася и Валерий продолжали работать в прежнем режиме. Дядя Вася переживал за жену. И на этой почве не отказался от ежедневного подарка главного пивовара за усердие в работе. Регулярно принимал на грудь, как он говорил, «этот божественный дар».

Профессор Васильев, как и обещал, положил Веру Петровну в свою клинику на операцию. При обследовании в головном мозгу Веры Петровны обнаружилась гематома, которую надо было удалить хирургическим путём.

В один из дней дядя Вася «сдался». Он осел на мешок с солодом, бледный, держась за сердце. Валерий пощупал

пульс. Он работал с перебоями, пульс был неритмичный. Валерий вызвал «Скорую помощь». Врач послушал дядю Васю, сняли кардиограмму. Сделали уколы и увезли в больницу. Валерий сопровождал дядю Васю до приёмного покоя.

Состояние дяди Васи было сложное. Алкоголизм значительно подточил его организм. Все органы дали дяде Васе отставку. Он, правда, ещё пробовал храбриться. Но на все расспросы врачей отвечал ослабевшим голосом. Не было уже того куража, когда, выпив пивка, он выпячивал свою силу на показ.

Валерий теперь работал за себя и за того парня. Успевал и по работе и в больницу к Вере Петровне и Василию Николаевичу. Наконец нанёс долгожданный визит главному пивовару, чтобы дяде Васе перекрыть вентиль. Александра Сергеевна клятвенно обещала.

И вот операция прошла успешно. Вера Петровна всё ещё находилась в больнице. Профессор ежедневно её осматривал. Здоровье её пошло на поправку. Но её пока не выпиывали. Да и у дяди Васи инфаркт миокарда не подтвердился. В общем, судьба, вроде бы, начала помаленьку улыбаться и дяде Васе. Оказалось, что у него был сердечный приступ на почве переутомления. Дядю Васю из реанимации перевели в общую палату. Постепенно здоровье его пошло на поправку. Валерий часто встречался с лечащим врачом и просил его помочь в лечении дяди Васи от алкоголизма.

А однажды Валерий даже организовал дяде Васе поездку

в наркологический центр. Врач-нарколог предложил, чтобы после выписки из кардиологического центра дядя Вася перебазировался к нему. Дядя Вася нехотя согласился. Вскоре дядю Васю и Веру Петровну выписали из больницы, а Валерий с большим удовольствием доставил их домой. Вера и дядя Вася, сидя за чаем, от души благодарили Валерия.

– Знаешь, Валера, как ты пришёл ко мне работать, – заметил, между прочим, дядя Вася, – я о те подумал, вот молодой человек, а разговаривать со мной, как-то грубо. Наставлять мене на путь истинный. Почему-то на показ высказал, как учил те твой бригадир. Ето я насчёт денегат, которы гребут лопатой. Мене в то время казалось, что не гоже так разговаривать с незнакомым человеком.

– Да помню я, дядя Вася. Я очень возмутился, что вы с утра водку «хлещете». Если это вас сильно задело, извините, конечно, но только в итоге я оказался прав.

– Сынок, теперь-то я понял твой карактер. Правильно сделал ты мене замечание. Есть поговорка: «Дал боже, что нам не гоже». К мене относится ета поговорка полностью. На те теперь я не забижен, сколько ты нам сделал добрых дел. Чтобы тебе дал боже, что тебе будет гоже. Спасибо те, сынок!

Валерий радовался их счастью. А ещё больше тому, что это у него всё получилось. Работа от дяди Васи никуда не убежит. На следующей неделе они вместе пойдут к наркологу. Дядя Вася очень рассчитывает преодолеть свои недуги. А то ещё и чуть-чуть вернуть потерянное здоровье, над пор-

чею которого он «трудился» неустанно на пивзаводе столько лет. Вернуть прежнее здоровье – уже не воротить. А смертишка – ведь она и не таких, как дядя Вася, тёртых калачей видала!

Январь 2010, Калуга

Случаи

В конце мая занятия в средней школе села Князево закончились, и завхоз Сергей Петрович вздохнул с облегчением. Лето – для школы самое лучшее время, когда ненадолго в коридорах, классах и на чердаках воцаряется затишье. Спустя какое-то время нужно будет снова готовить школу к новому учебному году. Сергей Петрович – мужчина самостоятельный, основательный, по первой своей специальности – инженер. После окончания военной службы он стал работать в деревенской школе, где его жена Клавдия Сергеевна преподавала географию. Дети выросли, упорхнули из родительского гнезда, уехали учиться в город. Для них отец всегда служил примером. Они им гордились. Он постоянно занимался школьным хозяйством, наводил порядок. Директор школы уважительно называет его своим заместителем. Сергей Петрович – человек учтивый и доброжелательный. Вельчак, с отзывчивой душой, к нему всю жизнь тянутся люди со своими вопросами, проблемами и просто так, поговорить за жизнь. Одним словом, герой песни: «Шаланды, полные кефали....».

Учителя, по большей части женщины, частенько обращались к нему за советом. Глаза Сергея Петровича всегда светились лаской и добротой. Особенно к тем, кто в войну хлебнул лиха. Сергей Петрович вёл размеренный образ жизни.

ни. Однако, это не всегда у него получалось. Иногда вдрут на него накатывало «нечто».

Школьный военрук Николай Васильевич был человеком иного склада. Вполне успешно справлялся со своими обязанностями, дело свое военное знал твёрдо. От своих учеников требовал ответственности и исполнительности. И они к нему относились с уважением. Занимались азами военной науки с увлечением. Николай Васильевич – человек горячий, к людям весьма критичен, иной раз даже чересчур. Хотя по характеру компанейский.

Сергей Петрович и Николай Васильевич относились друг к другу с симпатией, вне школьных стен они были Петрович и Васильич. Так им было удобнее. Пути их пересекались в компаниях по разным, радостным и горестным случаям. Друзья встречались на днях рождения, похоронах, проводах. Частенько обмывка покупок, то да се, третье, десятое, не считая официальных праздников, не проходили без их участия. Каникулы – счастливая пора. Учителя с нетерпением ждут отпускные. За зарплатой нужно ехать в районный центр. А кому же, как не завхозу Сергею Петровичу и военруку Николаю Васильевичу доверить такое важное и ответственное дело?

Сергей Петрович собирался в такую поездку всегда в приподнятом настроении. Дело нехитрое. Не впервой. Николай Васильевич – водитель классный.

Они оседлали замечательный мотоцикл ИЖ-49 и поеха-

ли. Июнь выдался на славу. Чудесная погода. Жарко. Волжские степи раскинулись широко, травы благоухали. Пшеница только ещё наливалась соком. Поле уходило далеко за горизонт, сливаясь с голубым небосводом. Серебристо-белые облака курились вдаль. Сергей на заднем сиденье мотоцикла, глядя подолгу на эту сказочно плывущую небесную панораму, восхищался видами природы. Голова кружилась от дурманящих запахов. Вдруг у переднего колеса что-то задребезжало. Николай остановил мотоцикл. – Что это ты, мой дружок совсем расслабился! – сказал Николай, обращаясь к ИЖу. Посмотрим, что случилось? Крыло отходит. Ну, конечно, следовало этого ожидать. Вчера дал этому сопляку, племяннику своему Ваньке, мотоцикл. Он поехал в Жуковку и весь его растарабанил. Цепь ослабла, шины полуспущенные, а вот винтики-шпунтики где-то посеял. Ищи- свищи их теперь, дядя Коля! Где его дьявол носил? Наверно, гонял по стерне и оврагам. Ну, и молодёжь! Николай примотал крыло проволокой и подвёл итог своему ворчанию: «Больше не дам, пусть сестрица раскошеливается на мотоцикл!»

– Николай, так ведь каждому поколению свое. У молодёжи теперь другой подход: «Мы сами с усами, что хотим, то и воротим». Они стараются изобрести велосипед, всё на рожон лезут. Ты заметил, что пацаны носят теперь клёши, обрастают волосами, как дикобразы, делают завивку, особенно студенты. Вот чучела!

– Да-да! – живо откликнулся Николай. – А посмотри, де-

вочки тоже не отстают от времени: юбочки укороченные, с разными замочками, кофточки фасонистые, чулочки там импортные, туфли на высоких каблуках, где только они всё это достают. Ведь на таких каблуках можно ноги сломать. И куда они несутся? Мой тёзка, Николай Васильевич, наверняка бы воскликнул: «Русь, куда несёшься ты?»

Сергей наслаждался природой: «Красота-то какая, Николай! Смотри и радуйся!»

– Да, я вижу, вижу, Сергей! Это всё мать-природа постаралась. – Природа, конечно, само собой, разумеется, но бушующее пшеничное поле появилось не без помощи односельчан.

– Я только удивляюсь, Сергей, куда смотрел наш председатель Фёдор Павлович? Видишь, вон на пригорке, какие большие «проплешины»? – Да, ты не прав, Николай. Но на этом песчаном бугре никогда и ничего не росло. Никогда там ничего и не сеяли. Ты просто не замечал. Селяне потрудились на славу. Думается мне, что соберут они в этом году добрый урожай.

– Дай Бог, может быть и так! – Промолвил Николай.

– Так ведь это их святая обязанность. Они выращивают урожай для себя, для своих детей, а как иначе? Мы с тобой воевали разве только ради себя? Мы воевали во имя России. Вон сколько их, родимых, положили на поле брани, мать честная.

Закончив мелкий ремонт, Николай нажал на педаль кик-

стартера, мотоцикл с пол-оборота завёлся, заревел, пугая своим рыком всю живность в округе. Медленно отпустил рычаг газа. Поехали! Дорога была хорошая, да только местами покрытая довольно высокими песчаными барханами. Но водителю было не впервой преодолевать их. Успешно справившись с дорогой, они получили большую сумму денег в сберегательном банке района и поехали домой. Проезжая мимо деревенской столовой, Николай Васильевич с надеждой в голосе заметил:

– Сергей, а может быть, лапчишки покушаем, как ты?

– Да, я не держу фигуру в заточении, всегда не против «подкрепиться», но мы ведь при исполнении, с большими деньгами, как бы чего не вышло, Васильич? А была-не была, давай перекусим. Если душе угодно, то фортуна завсегда нам улыбнётся. Как поётся в песне: «Фонтан черемухой покрылся, бульвар Французский весь в цвету....» Всё-таки соблазн домашней лапши, приготовленной поварихами, превозмог все опасения. Столовая во всей округе пользовалась большим успехом. Кроме того, у Сергея Петровича и Петра Васильевича были свои слабости, любили они по случаю хорошо и вкусно покушать. А уж ежели дело касалось деревенской куриной лапши, то пиши пропало! Как можно проехать мимо «родной столовой», не угостившись аппетитным обедом и крепким чаем, заваренным чудесными травами или компотом? Директор столовой Анна Васильевна, женщина видная, 30 лет с пронзительными зелёными глазами, словно

русалка. Она, всегда улыбочивая и с доверительным выражением лица, встретила наших героев, как родных. Николай Васильевич и Сергей Петрович растаяли от счастья. Расположились за столиком у окна. Лапша превзошла все ожидания и разбудила давно уснувшие воспоминания детства, когда мама Сергея Петровича потчевала его этим божественным блюдом. Вкушая лапшу, он вспомнил свою маму, Пелагею Сергеевну. А после выпитой чарочки душа и тело пришли в полное согласие, и слёзы застлали его ясный взор. Вообще-то Сергей Петрович позволял себе, но не часто. Вот, к примеру, когда шла заготовка дров для школы. У каждого человека свои слабости! Пелагея Сергеевна умерла в прошлом году, на Пасху. Поэтому Сергей Петрович расчувствовался и положил портфель, который ему мешал сосредоточиться на еде, на подоконник. Самое, по его мнению, безопасное место. Сергей Петрович и Николай Васильевич были довольны поездкой. Учителя получают зарплату ко времени.

– Дождались мы, Николай, дней счастливых. Вот смотри, теперь запросто заходишь в деревенскую столовую и кушай себе на здоровье лапшу. Это же благодать, не то «що», как говорят у нас в Украине, бывало, выпьешь 150 грамм, а закусить нечем, разве что килькой. А сейчас нам выпивка ни к чему, мы с тобой находимся при исполнении, покушаем и дальше поедем.

– Сергей, так ведь теперь вон какие времена! Вот мы с то-

бой едем из района не на школьной кляче, а на какой «птице», которая несёт нас, как на крыльях. Да вот ещё и с такими деньгами. Пожалуй, мы с тобой года два наверняка жили бы на эти деньги вполне безбедно.

Сергей вспыхнул и весь покраснел.

– Это ты, Николай, на что же намекаешь, может быть, хочешь драпануть с этими деньгами? Так что ли?

– Сергей, что ты такое говоришь, даже невозможно об этом подумать! Как бы нам скорее с тобой доехать до дому. Да, мы с тобой этого себе никогда не позволим. Что мы с тобой какие-нибудь бандиты или грабители, мы с тобой уважаемые люди в школе и деревне, – затараторил Николай. Он был в большом смущении оттого, что Сергей его неправильно понял. Вот, холера, не так сказал. Наши герои откушали лапшу, крепкого чаю с душистыми полевыми травами. На душе стала сытно и благодатно. Полились воспоминания и откровения.

– Слушай, Сергей, я тебе расскажу случай, который произошёл со мной. Из меня ведь так и выпирает, так и хочется тебе поведать о своей маленькой тайне, а как же, ты же мне ведь друг. После еды оба слегка «осовели», захотелось вздремнуть, решили посидеть, пусть лапша уляжется в желудке, да и трястись на полный желудок на мотоцикле было неохота.

– Как-то лет пять тому назад, – начал издалека Николай, – мы заготавливали дрова для школы. Тебя тогда на наших

школьных лесоразработках не было, по-моему, ты находился в отъезде. Ну, так вот, я, старый дурак, влюбился в одну молодуху. Не буду говорить, в кого. Красивая блондинка, пышные волосы, бирюзовая косынка. Она всё вертелась около меня. Её голубые глаза то и дело стреляли в мою сторону, пуская огненные стрелы. А я вовсе растерялся! Думаю, что бы это значило? И так разволновался, как будто я впервые увидел такую женщину-красавицу. Она ладно была одета: короткая блуза голубого цвета с широкой открытой грудью подчёркивали молодость и красоту. Коротенькая юбчонка и старые модные сапожки добавляли её фигуре красоты и стройности. А бёдра, а стан! Вот этим, пожалуй, она меня и купила. Ну, думаю, деву надо «укоротить», больно уж она строптива. Давно она жила без мужа, погибшего на войне. И я-то тоже, вроде как, холостой. Ну, думаю, не вечно же страдать деве. Дай, думаю, приголублю. Близко никого не было, только я хотел шепнуть ей своё заветное словечко о любви окаянной. Только успел дотронуться до её плеч, так она меня и отшила. Ладно бы оттолкнула, а то ведь и пощёчину в нагрузку добавила.

– Николай, непутёвый же ты, однако. Разве к молодой женщине так подходят? Женщина любит скромность и порядочность, а самое главное, нежное обращение. Бери ношу по себе, чтоб не крякать при ходьбе – как гласит пословица.

– Серёж, да у меня и в мыслях ничего такого не было, я только шепнул ей пару ласковых слов. Да из этой затеи ни-

чего путного бы не вышло, поскольку по части женщин я уже давно практики никакой не имел. Жена моя, Любушка, покинула меня как-никак лет пять тому назад. И я вот всё ходил бобылем, ведь не ко всякой женщине душа тянется. Вот и проявил смелость, которая обернулась для меня оплеухой за свою неуклюжесть и бестактность. Она без мужа осталась совсем молодой девчонкой. Только поженились, а тут война. Вскоре пришла похоронка о гибели её мужа, она работала с остервенением, никого близко к себе не подпускала. Характер у девчонки крутой, как и у матери, вечная ей память. Но время лечит, да и жизнь человека не вечна, надо хотя бы оставшееся время прожить с большим оптимизмом. Не век же горевать? Вот отсюда и делай выводы.

– Что-то ты странно и загадочно забираешь, Николай, я никак не пойму. Про кого ты рассказываешь? Дело идёт к вечеру, пора ехать.

Жара спала. Они вышли на улицу, воодушевлённые и вдохновенные. Свежий ветер подул в лицо. Николай скоро завёл мотоцикл, поехали молча, каждый думал о своём. Добрались быстро.

– Сергей, куда едем-то, в школу или к тебе домой?

Тут Сергея и ударило, словно током! Охватила оторопь! Страх! Он тут же начал лихорадочно вспоминать, куда и зачем они с Васильичем ездили? Наконец память вернулась к нему. Были они в банке, получили зарплату для учителей. И тут предательски засосало под ложечкой: а где портфель

с деньгами?!

– Николай, а где наш портфель?

– Я не знаю, куда ты дел свой портфель! Как можно забыть и потерять то, за чем мы ездили? Сергей, что ты, совсем обалдел? Уму непостижимо! Как же так? Тебя ведь отрядили к портфелю! Что о нас люди скажут? Что мы им скажем? Моё дело было – рулить, что я и делал. Где ты его оставил? Сам расхлёбывайся...

– Николай! Взбаламутил ты меня со своей женщиной! А я, старый дурень, нюни распустил, заслушался твоих очаровательных речей о молодухе, и обо всём на свете позабыл! Дьявол ты, Николай! Давай быстро сворачивай назад, поехали в Воеводину, в столовую.

У Сергея Петровича сердце стало биться часто, а иногда и с перебоями. Прошиб его холодный пот, потом ему стало жарко и не по себе. В глазах пошли круги. Всё поплыло перед глазами. Мелькнули калейдоскопом дела давно минувших дней перед демобилизацией.

...Однажды в войсковой части, где он служил, старослужащие матросы попросили его, старшего офицера, подвезти их к бане на грузовой машине. Другого транспорта не было. Автомашина плохо оборудована для перевозки пассажиров. В кузове несколько незакреплённых скамеек. С десятков матросов сели на скамейки, остальные ехали стоя. Он сидел в кабине с водителем. Как говорится в поговорке: «Бог шельму метит». Он его и пометил. На крутом повороте, не доезжая

злосчастной бани, водитель потерял управление, и автомашина стала медленно заваливаться набок. Медленно от того, что на склоне сопки росли молодые ветвистые деревья. Они и сдержали резкое падение грузовика, который, пружиня и упираясь бортом о кустарник, неуклонно падал. Матросы вываливались из кузова, также не спеша и постепенно. Кажется, Сергей получил урок на всю жизнь. Хорошо, что никто не получил серьёзной травмы. Все оказались живы и здоровы, не считая, мелких травм и царапин. Натерпелся тогда страху и Сергей Петрович. И вот теперь опять двадцать пять. Ехали быстро, но песчаные барханы вставали на пути, словно шлагбаумы. Дважды кубарем скатывались с мотоцикла, когда он врубался в песчаный «сугроб». Однако доехали. Столовая уже была закрыта. Постучали посильнее. Дверь открыла официантка Соня.

– Соня, Анна Васильевна, уже ушла?

– Нет, она ещё здесь.

Сергей Петрович и Николай Васильевич прошли в столовую, а навстречу им Анна Васильевна. Они, бледные и перепуганные, предстали перед Анной Васильевной, как лист перед травой.

– Что случилось, дорогие мои молодцы?

– Беда, Анна Васильевна, мы потеряли портфель с деньгами, – быстро и скороговоркой, перебивая друг друга, заговорили наши любители вкусной лапши Сергей Петрович и Николай Васильевич. Анна Васильевна, оглядев их стро-

гим взглядом, не сказав им ни единого слова, развернулась и торопливо ушла в свою комнату. У Сергея Петровича побежали по телу мурашки, страх и оторопь овладели им! Николай Васильевич стоял озадаченный, широко открыв рот, но не произносил не одного слова. Они никак не могли прийти в себя. В чём дело? Почему Анна Васильевна ничего не ответила и ушла? Анна Васильевна и сама не знала, почему она так сделала. А как еще прикажете реагировать на такие выходки безответственных людей?! Пусть немного помаринуются, пусть помучаются! Сергей хотел уже было постучать в дверь, но тут вновь появилась Анна Васильевна. Она шла к ним, крепко обняв портфель с деньгами!

– Эх вы, горемычные, Сергей Петрович и Николай Васильевич! Разве так можно обращаться с деньгами? Больше вам при исполнении служебных обязанностей никогда ни вина, ни лапши не видать в моей столовой.

– Спасибо, Анна Васильевна, за то, что сберегли наш портфель с деньгами. Мы выражаем вам свою глубокую благодарность и признательность за сохранение наших денег. Живите тысячу лет счастливо и покойно!

...Сергей и Николай ехали обратно не спеша, без волнения. Выбрались на степные просторы. Остановились, захотелось подышать вольным степным воздухом.

– Сергей, а ты верующий человек или как?

– Николай, ведь этому нас этому не учили ни родители, ни учителя. Выросли мы безбожниками.

Сергей глубоко вздохнул, посмотрел на небеса и промолвил: «Николай, я думаю, что всё-таки Бог есть, иначе бы кто нам помог? Завтра вместе пойдём в церковь и поставим свечки на канон усопшим. Пусть они тоже возрадуются нашей удаче. Попросим у них прощения».

Николай достал тряпку из багажника и стал протирать мотоцикл. Ещё немного постояли, отдышались...

– Николай, скажи, пожалуйста, в кого же ты влюбился тогда на заготовке дров?

Свой секрет Николай скрывать не стал.

– Да это была моя нынешняя супруга Мария Антоновна, тогда она в школе работала техническим работником, но училась заочно.

– Ну, ты, Николай, и балда, хотел скрыть от меня такой замечательный и светлый случай.

– Она у меня очень душевный человек, я её очень люблю, её уважают и любят в школе. Заочно окончила филологический факультет, будучи беременной. Видишь, Сергей, какой случай приключился, оплеуху-то я не зря получил.

– Да, я прекрасно знаю Марию Антоновну. Вам любви и счастья на многие годы! Не приведи нам всем, Господь, вляпаться в такую историю, которая приключилась с нами сегодня.

Мотор взревел, умиротворённый рокот мотоцикла растаял в вечернем сумраке. На душе как-то стало легко и свободно.

Апрель 2010, Калуга

Развод¹

Тут вот недавно произошёл случай. В замечательном городе Твери проживали бывший слуга бога войны brave артиллерист Архип Евсеевич Береженный и его супруга, отважная санитарка времён военного лихолетья Агафья Матвеевна. Уже много лет они вместе. Обоим за семьдесят. Время прошло так быстро, что не успели оглянуться, как старость стала у порога. В жизни супругов страданий и лишений не счесть. Но они всё-таки выстояли, вырастили двух сыновей и дочь. Дед Архип и бабушка Агафья гордились своими достижениями: три внучонка и одна внучка. Хороший послужной список. Да все не простые, а самые что ни на мастера спорта по борьбе «**кудо**», внучка собирается в телеведущие. Учатся все в замечательных вузах.

Конечно, организм дедушки Архипа изрядно поизносился за лихие годы, крепость в ногах и руках уже не та. У бабушки тоже здоровье хилое, жизненные потрясения не обошли, стало быть, и её стороной. Но они не унывают. А дедушка, когда отобедает, пускается в разговоры:

– Славненько мы пообедали с бабушкой. Еда, конечно, не царская, но вполне приличная: суп с гречкой, картошка отварная с огурцом. Жирную пищу нам нельзя. Сейчас пост, мы его соблюдаем свято, а как же иначе? Прилягу-ка я на ди-

¹ Развод* – в уголовном мире мошенничество, обман.

ван, милое дело – поспать после обеда. Гулять после еды мне нельзя, мало ли что, вдруг начнутся колики, тогда никакой эспумизан не поможет. Бабушка Агафья стегает себе обнову из красивой цветной материи. Не знаю, как она называется, наверно, штапель, не из шёлка же шить, чай, не царица небесная. Право, не знаю, зачем ей костюм даже из штапеля, уже чего тепереча воображать на старости лет. Ну, думаю, раз охота, пусть идёт пехота.

Раздался телефонный звонок. Агафья моя взяла трубку.

– Мама, произошло несчастье, моя машина «поцеловала» «Жигули».

Бабушка наша не робкого десятка, не растерялась, а проявила твёрдость духа и спросила:

– Андрей, сынок, что-то голос твой совсем не узнаю.

– Мама, зубы я посеял на поле «брани», поэтому разговариваю с трудом. Из рта кровь идёт. Мало того, автомобильная катастрофа произошла по моей вине. Бабушка тихо выпала в «осадок» и чуть было не села там, где стояла. У меня мгновенно улетучился сон. Вскочил с дивана, вырвал трубку у бабушки.

– Сынок, где произошла авария, что с тобой?

– Папа, столкновение произошло на сто пятидесятом километре дороги Тверь – Москва, – сын говорил медленно в растяжку. – Виноват я, перестраивался и круто взял вправо, не успев поглядеть в зеркало, не рассчитал, срезал дорогу рядом идущему автомобилю «Жигули» и с ним столкнул-

ся. Состояние моё критическое. Болят все внутренности, кажется, поломаны рёбра. Погибла женщина в машине «Ауди», следующей по встречной полосе. Сейчас за мной должна приехать «Скорая помощь».

– Боже мой, боже мой! Как же ты, сынок, мог допустить такую аварию, ты ведь всегда ездил аккуратно. Услышав по телефону всхлипывания сына Андрея, я тоже впал в транс. Меня прошиб холодный пот. Я уже плохо видел, ухудшилось зрение, а слух и без того был никудышный, а сейчас и со слуховым аппаратом не могу взять в толк, что же случилось. Спустя минуту – снова звонок.

– Папа, – стонал сын, – срочно через Сергея пришлите 40 тысяч рублей.

– Сынок, какого Сергея? Где мы его найдём?

– Папа, он сам вас найдет. А деньги-то у вас есть?

– Сынок, не беспокойся, деньги найдём, возьмём в долг, разве мы тебя бросим! Я и моя бабушка в полной панике, в страшном потрясении достали все свои сбережения. Не хватило. Побежали к соседке, Надежде Николаевне, добрая женщина всегда выручала в трудные минуты. Взяли у нее в долг 20 тысяч.

Вскоре опять звонок.

– Это говорит Сергей. Жду вас у городского почтамта.

– Сергей, а как мы вас узнаем?

– Я сам вас найду. Что на вас, бабушка, будет надето?

– Сережа, я приду в чёрном пальто.

– Простите, а деньги при вас?

– Не беспокойся, Сережа, деньги при нас.

– В таком случае такси будет ждать вас у почтамта. Я подъеду минут через десять на грузовой автомашине.

Что творилось с нами, ни в сказке сказать, ни пером описать. Берём в дорогу необходимые вещи: аппарат для измерения давления – у нас же гипертония, головокружение, тромбоз, катар желудка, да не миновал нас и геморрой. Тяжело. Но ещё тяжелее от осознания случившейся беды: увидим ли мы в живых родного сына? Подъехали к почте. Руки дрожат от волнения, сердце стучит, что пламенный мотор.

– А кто такой этот Серёжа? Что ему конкретно сообщил наш сын? Наверняка он знает точное место аварии, и где сейчас Андрей: в реанимации или в травматологическом отделении? Пока не видно ни такси, ни грузовика, на котором должен подъехать Сергей. И потом, кто поедет на такси? Я с бабушкой? А может быть, нас и не возьмут? Итак, стоим, ждём. Волнуемся. Задаем друг другу бессмысленные вопросы. Пытаемся высмотреть в потоке машин наше такси и грузовик.

– Агафья, а ты не запомнила телефон Сергея?

– Нет, Архип, не знаю.

– Вот какая оказия, ведь даже не спросили его номер.

– Агафья, позвони, пожалуйста, Андрею. Если он сможет ответить, пусть подскажет телефон Сергея. Сама знаешь, я

ведь плохо слышу, не разберу, о чем речь, звони ты. Агафья набирает сына, длинные гудки, никто не берёт трубку. Потом: «Телефон абонента недоступен». Я ещё пристальнее всматриваюсь в окружающее пространство, пестрящее грузовиками и такси. Ничего похожего! Агафья в который раз набирает Андрея, ответ всё тот же: «Телефон абонента недоступен». Мы в панике. Наверно, Андрея увезли в реанимацию. Мы хором рыдаем, какое несчастье свалилось на нашу голову. За что!? Но теперь я уже жму что есть силы на клавиши телефона: Неужели так серьёзно травмирован сын, что уже не может ответить по телефону. О, боже, он, наконец, взял трубку.

– Сынок, подскажи, пожалуйста, телефон твоего друга Сергея, которому ты просил передать деньги, и вообще, как ты себя чувствуешь?

– Папа, про какого Сергея, про какие деньги ты меня спрашиваешь? – Как – про какого Сергея? Сергея, которому ты поручил привезти деньги. Ты где?

– Как это где? На работе, в Твери.

– Сынок, с тобой всё нормально? А как же авария?

– Папа, какая авария? У меня на работе – авария. Я на работе парюсь.

– Вот это да! Слышишь, Агафья, никакой аварии-то и не было. Всё, вроде бы, нормально... Нас обуял приступ необыкновенной радости и ликования. За неполный час мы с бабушкой дважды пережили: сначала трагедию, а затем ко-

медию. Что только не выдвывают со старыми людьми мошенники? Немудрено потерять и самообладание. Славу богу, всё обошлось.

– Какие же мы с тобой, Агафья, «простофили», попались на «удочку» разводилы. Это же надо придумать такой изощрённый способ! Уму непостижимо! Да, Агафья, они бы просто забрали у нас деньги, а, может быть, и нас заодно прихватили бы с собой и убили. Сами бы умыкнули с деньгами и поминай, как звали.

– Сколько же, Архип, мы пережили. А всё оттого, что мы очень доверчивы. – Но нельзя, же быть постоянно настороже?!

Уставшие, но довольные, мы с Агафьей вернулись домой. Как только вошли, зазвонил телефон. Трубку взяла Агафья. Звонил Сергей. В ответ ему было молчание. Телефон надрывался пронзительно и долго, но мы были немые. Впрочем, решили на всякий случай позвонить в милицию по сотовому телефону, чтобы засекли номер телефона злоумышленника. Но до милиции не дозвонились. Потом звонки прекратились. Когда приехал живой и невредимый Андрей, он и дозвонился до наших ангелов-хранителей. Но те ответили: «Заявление можете в милицию написать, но предупреждаем, что такие дела не раскрываются». А зачем писать, коли не раскрываются? Для проформы? Потом за ужином мы долго не могли успокоиться и задавали, как на очной ставке, друг другу наводящие вопросы:

– Папа, почему же вы мне-то тут же не позвонили?

– Мама дважды набирала твой телефон, но не могла дозвониться.

– Мама, куда же ты мне звонила, на моем телефоне не отпечатался твой номер.

– Сынок, я, наверно, от испугу нажимала неправильно клавиши. Спасибо папе, его глаза острее, он дозвонился. А ночью нам с Агафьей приснился Сергей. Он все ночь бегал за нами с огромной сумкой и кричал, чтобы мы садились в такси, угрожал, корчил страшные рожи. А мы успели позвонить в милицию. Вот что значит наша беспечность и доверие проходимцам. Приехал тучный Дукалис со своими ребятами. Они побежали дворами за Сергеем, пуля из пистолетов куда-то в воздух. На том дело и закончилось.

Вот только мы теперь гадаем, поймал ли Дукалис мошенника?

Июль 2010 год, Калуга

На даче «Наша доля»

Дачный кооператив «Наша доля» расположился на большой лесной поляне, вблизи железной дороги. Место замечательное: ни бугров, ни завалов. Отдыхай – не хочу. Не хочешь отдыхать, копай землю без усталости, высаживай рассаду своих любимых помидоров, которые пестовал почти всю зиму, холи свой травяной газон – коси траву, сажай свои саженцы – яблони, вишни и ещё мало-ли что, пили, строгай, словом, осваивай вверенную территорию! Тем более на дворе весна. И солнце уже всюю припекает лысину дачника. Но сегодня не до баловства. Сегодня собрание. Выбирают председателя кооператива. От имени профсоюза выступает член профкома завода Гурьева Антонина Васильевна, женщина волевая и активная во всех отношениях. Из тех, что и коня на скаку остановит и в горящую избу на коне въедет:

– Уважаемые дачники, я предлагаю выбрать председателем Кочергина Владимира Степановича, бывшего начальника отдела кадров, человека служивого, надёжного, честного и очень порядочного. Его в коллективе знают, уважают. Он человек высокого воинского звания, бывший армейский хозяйственник, разбирается в финансах, строительстве и других делах. Не какой-нибудь там прощельга!

На полянке возле водонапорной башни соседнего кооператива повисло напряжённое молчание, которое первой пре-

рвала розовощёкая Татьяна Борзова из первого ряда, женщина в полном расцвете сил в детской панаме:

– Неужто Владимир Степанович генерал?

– Может, генерал, может быть, полковник, какое это имеет значение, между прочим, вдовец, красавец, – продолжила Борзова.

– Бабы, теперь держитесь, учитесь честь отдавать.

– Татьяна, как-то вы нескромно о Владимире Степановиче, – нервно парировали профсоюзы.

– Да, шучу-у-у, я согласная голосовать за него, – смеясь, закончила она.

– Не до шуток! Дел по горло, – продолжила Гурьева, – надо построить дороги, провести водопровод, построить электрическую подстанцию и электролинию.

Владимир Степанович ощутил в организме некоторое смятение:

– Васильевна, может, кого из молодых выбрать, пошустрее и резвее?

– У молодых ещё опыту маловато, их ещё учить уму-разуму, – едко заметил пенсионер Егор Матвеевич Шувалов в футболке с надписью «Динамо». Дело не в возрасте и звании. Человек должен быть учёный грамоте. В этой работе самое главное – умение разговаривать с народом. Надо иметь инженерные знания, чтобы понимал, что ты творишь. Человек должен чувствовать ответственность. Надо знать финансы, бухгалтерию, а как же? Деньги надо тратить с умом. По-

этому я поддерживаю кандидатуру Кочергина.

– Владимир Степанович, – заметила Гурьева, – он у нас ещё не старый, мужчина в самом расцвете сил. К нему и стар, и млад идут, с уважением и почтением, женского и мужского пола. Они звания уважают.

Проголосовали. Единогласно и дружно выбрали Кочергина. Владимир Степанович, степенно откашлявшись, поблагодарил за кредит доверия и пообещал его всенепременно оправдать, одновременно попросил поддержки со стороны дачников. Дачники зашевелились, как муравьи. Они тоже добытчики, тропы их не хуже муравьиных. Возили на ручных тележках, на себе разные дощечки, выдавшие виды старые двери, оконные рамы, всякую ненужную посуду. Впрочем, попадается и хороший стройматериал: подтоварник, кругляк, брусья, кирпич. Каждый человек-дачник спрашивает, где достал, почём купил. Нынче на свалку никто ничего не выбрасывает. Вдруг пойдёт в дело. Интересное время, люди заняты делом серьёзным.

После избрания на ответственную должность Владимир Степанович теперь каждое утро обходил с собакой дачные владения. У него замечательная собака, овчарка-кобель по кличке «Барон» с красивым палевым окрасом на спине и голове. Живот и лапы белые, как тапочки. Словом, отличный кобель с прекрасными породными данными. Он тоже чувствует ответственность, понимает, что к чему, все нюансы поведения хозяина, имеет добрый нрав, отлично и гром-

ко лает в ночное время.

Новоиспеченный дачник и большой автолюбитель Андриан Кубышкин привёз к себе на дачу кузов старого легкового автомобиля «Москвич-408».

– Андриан, куда собрался «ехать на этом автомобиле? На тот свет?

– Не шути, Владимир Степанович, это моя память. Я очень долго копил деньги на эту машину. Купил. Славно мы поездили с моей Верочкой по городам, деревням и весям России. Это больше, чем машина!

– Помню, где-то читал, что некий человек затаскивал корову на крышу бани, чтобы скушала траву на крыше, – с некоторым юмором обобщил Владимир Степанович. Я тебя, Андриан, не понимаю, зачем на дачу-то кузов привёз? Зачем здесь твой металлом?

– Какого чёрта ты привязался ко мне: что, где, когда и зачем? Мой старый кузов – это мой оберег! Ты понимаешь?

– Да, Андриан, тебя, не иначе, как уронили с третьего этажа в младенческом возрасте. Я тебе дело говорю, ты не устраивай обструкцию! Этак мы захлашим всё. Я буду решительно настаивать, чтобы ты убрал этот кузов с дачного участка.

– Что ты ко мне привязался, как банный лист к... одному месту!

– Да, нелегко будет работать с таким несознательным народом, – подумал, тяжело вздохнув, председатель. Строи-

тельство шло вовсю. Кто-то только ещё начинал строиться, а муж секретаря директора завода, Борис Петрович Смеляков уже заканчивал строительство своей дачи. Его дачный участок располагался рядом с главной проезжей дорогой. Дорога ему не нужна. Построил себе двухэтажный бревенчатый дом, отделанный вагонкой. Теперь он и в ус не дует. Дом с подвалом, комнатами, спальнями, кухня, столовая. Также присутствует баня, хозяйственный блок. Смеляков – человек не случайный, а самый что ни на есть начальник строительно-монтажного управления по установке артезианских насосов! Птица большого полета, пальца в рот ему не положи, ему со своей высоты на всех решительно наплевать. Он у себя на участке собирался пробурить скважину и установить насос. Ему для себя всё можно и должно. Председатель, узнав, что Смеляков занимается монтажом насосов, пришёл к нему с просьбой и ему подсобить в этом ответственном деле. Владимир Степанович, громко откашлявшись, шагнул в пределы дачной территории главного насосных дел мастера:

– Добрый день, Борис Петрович, – обратился председатель к крупному мужчине с животом, хозяйственно выпирающим из-под майки.

– День добрый, – не оборачиваясь, ответил хозяин.

– Какой Вы молодец, – командным голосом продолжил председатель. – Вы уже почти всё неплохо обустроили. Позвольте представиться: председатель этого кооператива, Вла-

димир Степанович Кочергин. Занимаюсь хозяйственными вопросами кооператива. Как хорошо, если бы все члены кооператива так же быстро и красиво обустроивали свои дачи. Мне тогда нечего было бы и делать. Так вот, Борис Петрович, я пришел вас попросить, чтобы вы помогли кооперативу сделать скважину. Цистерна у меня есть. Она у нас будет играть роль водонапорной башни.

– Эка, вы далеко хватили, Владимир Степанович, у меня ведь не частная лавочка, а государственное предприятие. Кто мне разрешит использовать технику не по назначению? Это надо решать в вышестоящей организации, а я не уполномочен, так что извиняйте.

Не зря говорят: «Богатый бедного не понимает». Председатель ушёл, не солоно хлебавши. Он, конечно, ожидал такого поворота событий. Ему говорили, что Смеляков – жила. Крыса протокольная, особенно касаясь чужих интересов, эгоист и буржуй, и поэтому вряд ли пойдёт навстречу чаяниям коллектива. Тем более вышестоящая организация этого управления находится в Москве, и решать этот вопрос там вряд ли возьмутся. Дело-то местное и малозначительное.

– Да уж, – почесал в затылке Владимир Степанович. – Как же быть? У этого начальника всех начальников неужели нет понимания, что надо помогать коллективу, нет чувства стыда, совести? Как есть – буржуй!

Но время неумолимо шло вперёд, а совесть свербела в душе у председателя. И поэтому однажды вечером, степен-

но прогуливаясь с собакой, Владимир Степанович решил ещё раз поговорить с начальником монтажного управления насчёт скважины. Открыв калитку, Владимир Петрович не спеша двинулся с Бароном к дому, чтобы нажать кнопку звонка. И тут из-за угла дома внезапно появился хозяин. Увидев громадную овчарку, он буквально испугался, и даже, было, попятился назад.

– Борис Петрович, извините за неожиданный визит. Коллектив очень вас просит пойти нам навстречу. Мы заплатим за все работы, всё будет сделано по закону.

– Я вас прекрасно понимаю, Владимир Степанович, – робким тенорком, косясь на овчарку, запело монтажное управление, – но без указания вышестоящего руководства я этого сделать не могу.

Владимир Степанович вспылил :

– Какой же вы, однако, Борис Петрович, бессердечный и чёрствый! Ведь коллектив просит, изнывает, можно сказать, от жажды! Коллектив на вас рассчитывал ... – при этих словах... Барон тихо, но угрожающе зарычал.

– Да, не могу. Это «левая» работа. На меня настучат мои же работники. Меня посадят, – чуть ли плача, заявил он.

Собака смотрела на него свирепыми немигающими глазами. И после того, как хозяин пса очередной раз повысил голос, она вдруг вскочила, положила передние лапы на грудь несчастного просителя и дважды громко гавкнула. Хозяин понял, что его собака – не просто друг человека, а всего кол-

лектива. Борис Петрович, взвизгнув, пожаловался председателю:

– Какая у вас глупая собака, лает на людей.

– Оттого и лает, Борис Петрович, что у нас с вами бесперспективный разговор. Я не думал, что вы будете жаться, мяться и переливать из пустого в порожнее. Вам, извините, мило только своё рыло. А что собака! Сработал собачий инстинкт. Это её сигнал к тому, что она устала от пустой болтовни. Владимир Степанович погладил собаку и поцеловал. Такая трогательная сцена между собакой и её хозяином сильно задела чувства Бориса Петровича за живое. Он, увидев незапертой дверь в сарай, мышью шмыгнул туда, и был таков. Аккуратно взяв за поводок собаку, гордый собой и собакой председатель, удалился с дачного участка. После его ухода Борис Петрович почувствовал себя плохо. Ночью снились кошмары, он выходил на улицу, дышал свежим воздухом, глубоко вздыхал. Мысли о том, что он построил дачный домик, уже не доставляли ему радости. В голове был сумбур вместо спокойной музыки. «Наваждение какое-то, – подумал он, – даже собака меня не поддерживает. Значит, действительно, я не прав?» Как в сырую могилу, лег он обратно в постель, но так и не уснул.

Встав утром рано, он отправился к Владимиру Степановичу. Председатель уже прогуливал свою собаку.

– Извини, Степаныч, я погорячился. Вчерашние слова, – он при этом покосился на пса, – меня буквально взбудоражи-

ли. Я не спал всю ночь. Ругал себя, что я неужели такой трус и бессердечный человек? Боюсь своего начальства? Утром решил, что пойду вам навстречу и сделаю все, что нужно коллективу!

– Вовремя, Борис Петрович, вы это осознали. – Председатель погладил своего помощника по голове. – Коллектив в долгу не останется. У меня будет такое предложение. Зачем вам строить себе индивидуальную скважину, которая будет только занимать часть земли вашего участка. Рядом с вашей дачей кооператив имеет для этого специально отведенный небольшой земельный участок для обустройства водоснабжения всего дачного посёлка. Там мы сделаем скважину, которая будет заключена в небольшой домик, поставим рядом цистерну – водонапорную башню. Эта будет небольшая огороженная санитарная зона. Всё сделаем, как требуют санитарные нормы. И скважина будет, и вы не будете отрываться далеко от коллектива, который искренне рад в моем лице вашему мужественному и ответственному поступку!

– Откуда вы так хорошо знаете, как строить артезианские скважины с водонапорной башней?

– Так ведь в армии для солдат и офицерских семей приходилось возить воду в автомобильных цистернах, делать колодцы и строить скважины. Ну как, вы согласны?

– Куда же мне теперь от вас деться! Коллектив – превыше всего! Уступаю его давлению. Только скажите, сколько надо будет воды дачному кооперативу. После этого определимся

с трубами и насосом – определимся, Борис Петрович.

Председатель был доволен. Рядом смиренно сидела его собака, ожидая очередной прогулки. Цель была достигнута.

– Молодец, «Барон», что ты мне помогаешь в работе, хорошая ты у меня собака, – говорил Владимир Степанович, глядя по голове своего пса.

Скважину летом запустили, вода была хорошая, люди довольны. Борис Петрович радовался со всем коллективом этому случаю, который помог ему преодолеть частнособственнический инстинкт начальника монтажного управления.

Опять пришла весна. Прошло три года. Ярко светило весеннее солнце, на душе у председателя тоже было светло и празднично. Деревья распускали свою листву, стоял запах сырой земли, разнотравья. Березы бездумно шелестели своей зелёной листвой. Дачные участки теперь вполне обустроены. Молодые деревца подросли, готовятся к цветению. В душе у председателя воцарились покой и безмятежность. Владимир Степанович теперь ходил в высоких хромовых сапогах и синих брюках-галифе, и даже отпустил усы для пущей бравяды. Так ведь не зря. Вдовцу Владимиру Степановичу была небезразлична судьба вдовой розовощёкой Татьяны в белой панаме. Теперь они живут вместе, каким браком – это никому неизвестно. Да кому какое дело, если они любят друг друга по-настоящему. Это заметили все дачники. Маленькая виктория Владимира Степановича по монтажу артезианской скважины, и нечаянно грянувшая любовь придали

всему его облику горделивую выправку и осанку.

На этом трудном и извилистом пути Владимира Степановича собака невольно представилась нам помощницей своего хозяина. Надо же, оказалось, что бывает и такое.

Октябрь 2010, Калуга

Брожение в умах

Трагикомический рассказ

Деревня Воропаево – российская глубинка, каких много на Руси – особенно ничем не отличалось от других деревень. Жили в этой деревне люди злые и скупердяи, крикуны и драчуны, простаки и жмоты, попробуй ты их не возлюби! Конечно, основная масса людей – это трудовой народ, который рожал и растил детей, сеял хлеба и проявлял заботу о ближних. В деревне Воропаево жили-не тужили супруги Ахинеевы, Семен Григорьевич и Антонина Васильевна, семейная пара средних лет, беспокойного характера. Сын их Саша учился в городе и проживал у тётки Нади, сестры Антонины. Старшая дочь Сильвия только окончив 10 классов, тоже захотела жить в городе, подумав, что раз она «Сильвия», то враз выскочит замуж – имя диковинное – «иностранный». Старалась походить на богатую девушку: навешала на себя золотых цацек, неизвестно кем дарёных. Так и ходила там, где больше всего водятся иностранцев. Работала в обычном ресторане под названием «Благородный», мыла посуду, а хорохорилась, как известная танцовщица. Сильвия выучилась танцевать по-испански. Да так ладно, что хозяин ресторана её выпускал, когда другие танцовщицы уже лыка не вязали, угостившись крохами с барского стола. Когда дети испытывали какой-то недостаток, особенно в питании

или средствах, то приезжали к родителям на побывку, чтобы чем-нибудь поживиться.

Семён Григорьевич, бывший колхозный бригадир, понял, что пришла совсем непонятная другая жизнь. Многие старались изо всех сил больше уделять внимание своему домашнему хозяйству, помня одну истину: «Что вырастил дома – это твоё, оно тебя греет и кормит». Антонина Васильевна – женщина не робкого десятка, здоровьем бог её не обидел, успевала везде – в колхозе и дома. Но вот пришли новые времена, как жить, как быть? Надо проявлять свои способности, искать пути выживания. Семён Григорьевич – он коллективист, никак не мог понять, как это – быть частным землевладельцем. Ходил по деревне к друзьям – поговорить, посудачить о том-о сём, охал и вздыхал: «Неужели нельзя было всё делать продуманно и спокойно? Одни быстро разбогатели, а другие в это же время сильно обнищали». Дали ему земельную долю, но далеко от дома, орудий труда нет, чтобы обработать такой большой земельный участок. Долго Семён думал, почёсывал затылок, а потом продал свою землю приезжему бизнесмену «за так», за дёшево, за копейки. Поработал в наймах у перекупщика, нанимавшего к себе на работу тех же колхозных механизаторов, у которых купил землю. Механизаторы старались, работали, а зарплату хозяин платил изредка, ссылаясь на отсутствие денег, да на то, что сольерка подорожала, что много ещё надо запчастей закупить.

Новоявленный хозяин земли Иван Борисович Ядрёный,

крепко сбитый мужик, чёрная борода и губы на выкате, как красные помидоры, густые брови, в глубине которых поблёскивали безжалостным светом мироеда небольшие глазки. В детстве Ядрёный пострадал из-за своей бесшабашности и вседозволенности. И потому, когда шагал, правая нога не успевала за левой, довольно сильно прихрамывал. Из-за этого его односельчане прозвали «кидай-нога». Трактористы на стоянке техники моментально испарялись, когда кто-нибудь говорил: «Спасайтесь, идёт «кидай-нога». – Иван Борисович, когда вы нам будете платить зарплату? – спрашивали наёмные рабочие. «Кидай-нога» только бычился, делал кислый вид и говорил: «Как соберу урожай, тогда и буду платить». Пыхтел, сверкал глазами, как леший: «Засеяли зерно плохо, кругом плешины незасеянные, аж поле моё родное теперь рыдает! Вы думаете, так, за спасибо, и нате-ка вам денежки. Дудки, так не бывает. Надо лучше работать».

– Иван Борисович, клянёмся Богом, мы работаем от зари и до зари! А чем прикажите кормить своих карапузов? Ведь это для вас растёт будущая рабочая сила!

– С такими работниками, как вы, какое у меня будущее, никому неизвестно. Вы – молодые, да нахрапистые, вам только дай, и всё тут!

– Прошлогодного запаса в ваших амбарах хватит на несколько лет вперёд, Иван Борисович. Сейчас зерно в спросе, продайте – вот вам и зарплата для нас.

– Хорошо быть добреньким за чужой счёт, вам бы только

сегодня всё было, а мне нужно наперёд всё предвидеть, вы, головы бестолковые, понимаете это или нет?!

– А вы – шкура, только о себе и думаете.

– «Кидай-нога», заскрипев зубами и скорчив рожу, смылся с места сходимки. После продажи своего земельного участка Семён надолго ушёл в глухой запой со своими бывшими деревенскими друзьями. Антонина Васильевна мало уже надеялась на непутёвого мужика, но совсем от него не отказывалась: как-никак в доме есть хозяин, хотя и паршивый. В трезвом виде он мелкие домашние поручения своей Васильевны исполнял исправно. Глядишь, то бычка напоит, а он уже большой, почти годовалый. Да жалко Антонине гнать его в табун. Теперь пастухи не напрягались: в жару стадо стояло на постое в болоте, там жрать скотине нечего. Бычок совсем отошал, придя вечером, кидался на стог сена, заготовленный на зиму, как крокодил на буйвола. Поэтому дома за бычком приходилось здорово приглядывать, как бы чего лишнего не сожрал. Пищевые отходы тоже шли бычку, словом, дома ему было лучше, чем в поле. У бычка шерсть залоснилась, стал вечерами заигрывать с пуховыми козами, коих у Антонины было немало. Козы приносили ей тоже большой доход.

Козы – дело нехитрое, только всё делать надо вовремя и чистенько, а то твой пух и задарма не возьмут. Охочие до пуха цыганки заходили к ней в избу табором, и так каждый год. Нужно сказать, что с цыганками-торговками надо

торговать умеючи, иначе по миру пустят. Семён каждое утро уводил бычка в свой загон рядом с домом. Загон большой, выросла уже высокая трава после покоса. Привязывал его к железному колышку. Бычок привык к этому мероприятию и набирал жирку. Семен иной раз встречал скотину из стада, но тверезым бывал редко, скотина шарахалась от него, как от шального.

Будучи подшофе, Семён страдал от голода, особенно когда жена работала, еды дома не сыскать. Тогда Семён выходил из дома и просматривал округу: не идёт ли дымок из печной трубы тётки Аграфены Матвеевны, младшей сестры его мамы, уже пожилой женщины. Если шёл дымок, то он непременно навевался к ней домой. Тётка Аграфена была добрая, жалела его, мать-то Семена давно померла. А вот муж Аграфены Матвеевны, дед Савва Митрофанович – мужик скупой и жадный. Правда, он явно свою жадность старался не показывать, но она пёрла наружу по природной его расположенности к ней.

Голодный Семён заходил на огонёк к своей тётушке, рассчитывая, что Саввы Митрофановича нет дома. Ан нет, Савва Митрофанович сидел у печи и уплетал горячие блины, которые пекла Аграфена Матвеевна, глядя на иноков сычом. Семён смиренно открывал дверь, здоровался, запах блинов завораживал, невозможно даже выразить, слюнки текли, аж голова у Семёна кружилась. Тётка Аграфена по обыкновению приглашала Семёна: «Семён, небось, голодный, иди, са-

дись, блинков покушай! Но Савва Григорьевич не давал ей даже рта раскрыть: «Да Семён сытый, он блинов не хочет!» А у Семёна в животе всё воротило, желудочного сока много, а погасить его нечем.

– Семён, – кричит Аграфена Матвеевна, – иди, сядь, покушай блинков. – Аграфена, что привязалась к Семёну: покушай блинков, покушай блинков! Да сытый он, не хочет он блинков, правда, Семён?

Семён, сжавшись в кулак, думал, как бы обмануть этого жмота, который вот-вот лопнет, а блинов не даст. Ну, думает Семён, если ещё раз позовёт меня тетя, то, пожалуй, не упущу шанса». Только раздался голос тётки, и Семён стрелой бросился за стол. Савве Григорьевичу только что и оставалось, как разинуть рот и смотреть с крайним изумлением на происходящее. От злости он даже бросал нож с вилкой об тарелку и в гневе отскакивал от стола, не преминув воскликнуть: «Ну и голодранцы!» Иногда Антонина Васильевна поручала Семёну что-нибудь продать перекупщикам из своего хозяйства. Но когда начинался запой, Семён обо всех поручениях помнил смутно. Суровый, словно судьба, деревенский крепач-самогон брал его в оборот с дружками, и тогда не только дела домашние, но и все было Семёну трын-трава. Поэтому Антонина Васильевна боялась одного его оставлять дома.

Да вот случилась беда: её сестра Надя просила срочно приехать – сын Антонины Васильевны, Саша, который жил

на квартире у Нади и учился в институте, попал в переделку. Пьяный рулевой маломерного судна на большой скорости наскочил на лодку, в которой сидели и любовались красотами набережной Волги две девчонки-студентки и сыновья Антонины и Надежды, Саша и Андрей.

А как же? Надо было шикануть пьяному рулевому перед девушками, сидящими в лодке, показать им, какой он мореход, как может лихо вираж заложить! Удар был такой силы, что ребята даже не поняли, что с ними произошло. Лодка разлетелась в щепки, а дети оказались в воде, сильно изуродованные и покалеченные. Девчата-то спаслись, их подобрала проходящая быстроходная моторная лодка. Старший в лодке так суетился, что даже не заметил барахтающихся среди обломков лодки Андрея и Сашу. Они были сильно изранены. Саша поддерживал Андрея, схватившись за обломки лодки. У Андрея голова была сильно разбита. Они едва не потонули. Их подобрало спасательное судно «Вдохновенье». Команда «Вдохновения» тут же стала оказывать помощь обоим пострадавшим, а Андрею сумели поставить капельницу. На берегу их ждала «Скорая помощь».

В больнице начались трудные испытания. Антонина Васильевна была в шоке от происшедшего. Сестры постоянно дежурили у ребят. Но ничего быстро не делается, тем более в нашей больнице. Однако вскоре сделали операции обоим ребятам, но состояние их было тяжёлое. Приходили к ним вместе и врозь их любимые девушки Варя и Катя, глубоко

переживали, сами едва оправившись от своих травм. Мелкие раны и ссадины постепенно заживали, а вот психологически они никак не могли восстановиться. Психотерапевты говорили, что у них от малейшего волнения и беспокойства начинает колотиться сердце, нужно им делать инъекции сердечные, в крайнем случае, быстро принимать психотропные таблетки, потому что у них возникла кардиофобия, которая потребует длительного лечения. Словом, загостились у сестры Антонина Васильевна, что было только на руку Семёну и его дружку Селивану.

А в деревне работа кипела полным ходом: друзья гнали первач, чтобы он на тарелке горел синим пламенем, как газ на газовой горелке. Семён только улыбался, пребывая сутки напролёт под градусом: «Селиван, вот, кажись, обыкновенная свёкла, а какую силу таит в себе, сколько радости приносит человеку?» Пребывавший постоянно при Семёне его дружок Селиван лепетал заплетающимся языком: «Это мы так д-ду-маем, Семь-ён, потому что мы с тобой, с тобой козлы пог-г-аные, тратим силы и здоровье на изготовление зелья! Посмотри кругом: дом у тебя запущен, грязно, рыло твоё, что задница кобылы, всё красуешься и радуешься такому запустению в доме. А тебе ведь Антонина Васильевна велела приглядывать за бычком. Я давеча шел мимо двора, видел – бычок твой, по-моему, сдох!

– Типун тебе на язык. Что ты говоришь, такое, Селиван, не может быть такого. Как ошпаренный кипятком, по-

бежал Семен, спотыкаясь, посмотреть за бычком. Телок лежал сдохший от истощения.

– Селиванушка, родимый, я помню, что привязывал верёвку к колышку, а что надо поить и загонять на ночь в сарай, я совершенно забыл, произошла отключка.

– Вот ты гришь: зелье поганое, а между тем самогон для тебя не поганый, он тебе ближе родного брательника. Да-да, ближе матери родной.

– Какой позор, Селиван, что будет теперь мне от Антонины Васильевны, не меньше, как казнь египетская. Чёрт бы его побрал этого бычка: надо же – не пил, не курил, а сдох!

– Не юмори, Семён, – это наше с тобой разгильдяйство и пьянство. Приедет супруга – ниц голову и проси пощады, иначе тебя убьёт, и мне достанется!

– Смилуйся, Селиван, я ведь, видит Бог, смерти родному бычку не хотел.

– Хе-хе-хе, – широко открыв и скривив губы, Селиван смеялся и гримасничал, – работали, говоришь? Да какую работу работали – всё гнали его – стервеца, а он только мелкими капельками: кап -кап. И всё для нашего ненасытного горла. Нам с тобой весело, и мухи не кусают, едрёна-вошь, выливали в свою глотку ненасытную. Придется тебе, Семён, каяться и кланяться! – А, ты, Селиван, сволочь! Живёшь на моих дармовых харчах, ещё и паясничаешь. Ты даже дома не бываешь. Хоронишься от своей Груни. На халяву у тебя всегда рот открытый, байбак ты сонный!

– Семён, это ты брось! Я – кто угодно, но не халявщик! Всегда выполняю самую грязную работу: мою, чищу свёклу, готовлю посуду. Посуда для самогона должна быта готова, как самолёт к полёту, иначе твои дрожжи и сахар – пустая затея. Семён высоко поднял правую руку, потряс ею воздух, оскаблившись широко ртом, показывая свою усмешку и злость.

– Подумаешь, явился новгородский дворянин, чистит он свёклу, моет посуду!

– А чья свёкла, чья посуда? Согласовал ты со своей головой, что ты говоришь? Бестолковый ты человек, Селиван!

– А ты, бурбон, самодовольный прощелыга!

– Это я, бурбон самодовольный, несчастный шарамыжник! Не выдержали нервы у Семёна, он, молниеносно схватив полено в правую руку, хотел треснуть по голове Селивана, но споткнулся сам и покатился кубарем под лавку. Селиван пал, как подкошенный и покатился, ударившись о кочегру. Тут-то Семён и завыл, как баба при родах. «Убил я тебя, убил, Селиван! Прости крестом-богом, я не хотел, ну, ты сам, бивень, лез на рожон». Селиван пыхтел и сопел, как буйвол. Живее всех живых. Только морда краснее обыкновенного.

– Селиванушка, прости меня – это я сгоряча. Небось, башка-то болит, давай приложим холодненького.

– Сейчас я тебе приложу, дай мне только немного просохнуть. Селиван перевернулся на другой бок и неожидан-

но глубоко со знанием дела захрапел, а потом и вовсе заснул глубоким сном. Неизвестно, сколько он спал. Только встал поутру, глядь: рядом с ним Семён. Не стал он трогать бедолагу. Сняв с себя рубаху и брюки, направился на речку и нырнул в осеннюю холодную воду. Кряхтя, вылез из воды, рубашкой вытер тело и вернулся к Семёну. Семён проснувшись, протёр глаза, а перед ним без рубашки воссиял с небольшой шишкой на голове Селиван.

– Селиван, как башка? Небось, болит?

– Болит-не болит? Что спрашиваешь? Знамо, болит! Ведь надо было тебе, дураку, так меня треснуть, хорошо ещё, голова цела.

– Прости меня, Селиван, это я погорячился.

– Семен, ты же меня мог убить.

– Селиван, это не я, это ты об кочергу споткнулся. Полено – это так, для острастки.

– Не убил, и на том спасибо!

– Но, Селиван, силён спать-то!

– А что? Наша родня любит поспать не только на полу дома, к тому же с похмелья! Я со своим родным братаном Васей, когда еду в электричке, иной раз не то, что сидеть, поставить ноги некуда. А мы ничего, народ привычный, можем ехать и спать – хоть стоя.

– Ладно тебе шутить, шут ты из циркового балагана.

– Я не шучу, ей-Богу так!

– Селиван, пойдём по маленькой и помиримся. Мы с то-

бой же давние друзья. Мы друг без друга не сможем.

– Семён, мы с тобой—то помиримся, а вот как ты уладишь дела со своей бабой, ведь грех-то большой – загубил почти годовалого бычка.

А в городе дела у ребят шли на поправку, швы стали заживать, только страх как-то всё ещё не проходил. Саша успокаивал своего дружка Андрея:» Не волнуйся, Андрюха, мы не на Волге, горе-судоводитель теперь отбывает наказание в тюрьме за свою «отвагу»». А рядом всегда их любимые девушки Варя и Катя, но на всякий случай с успокоительными лекарствами. Сёстры Тоня и Надя так переволновались за эти дни, что толком-то не успели поговорить о своей жизни. Какой разговор может быть о себе, когда дети в беде. Дети выросли хорошие, да вот только муж Тони оказался алкашом.

– Надя, раньше он не пил, да на что и пить-то, самогон под запретом, участковый милиционер Ваня Арбузов приглядывал за самогонщиками. Самогонные аппараты велено было конфисковать. А теперь, как-то стало свободнее, разрешить-не разрешили, но и запретов строгих нет, правда, страшают штрафами. Мужикам делать нечего, вот они и жрут самогонку.

– А что же, Тоня, Семён на земле не работает?

– Шут его знает, продал свой земельный участок, говорит, у меня нет денег, чтобы приобрести автомобиль и трактор, что я, лопатой землю буду ковырять? Понаехали перекуп-

щики земли, обещали золотые горы, проходимцы. Зарплату не платили месяцами, хотя Семён горбился денно и ночью. После этого плюнул на всё и ушёл, сейчас сидит дома, гонит самогонку, зарабатывает мелочь на хлеб, а то и на хлеб не хватает. Я уже давно не была дома, что он там натворил, не знаю. Ведь, паразит, ни разу не позвонил, звонила только я. Говорил, что всё нормально. А ты-то как живешь, Надюша?

– Я живу сейчас ничего. Мой Павел работает на заводе, пока платят, на жизнь хватает

.– Андрею-то, Надя, я буду помогать, пусть учится. На зиму зарежу бычка, пришлю вам мяса, картошки со своего огорода. Мы с Семёном проживём, лишь бы он не пил. Вот только за Сильвию переживаю, ошивается вокруг иностранцев, как бы её совсем не испортили. Говорит: «Я завела испанца, выйду за него замуж». Я говорю: «Смотри, может он к себе тебя и возьмёт, а потом выкинет на помойку с ребёнком. О таких случаях много сейчас пишут в газетах. Не дай бог, ну и времена пошли». Ну, ладно, Надюша, спасибо тебе большое за встречу, за проводы. Вместе всё-таки легче. Дал бы Бог им, детям нашим, здоровья!

– Надя, ты ещё поговори с Сильвией, может быть, совесть её заест и тебя послушает, расспроси её получше. Мне ведь она не рассказала, кто ей дал эти украшения. Сохрани нас всех Господь!

Обнялись и с грустью попрощались сёстры. Антонина по-

ехала домой. Семён и Селиван всю старались заправить самогонный аппарат очередным сырьём, как тут явилась супруга Антонина Васильевна.

– Здравствуйте, единовѣрные-сердешные! Наверно, сильно умялись от своей «работы». Смотрю, дома полный кавардак, да и вы сами на кого похожие? Окаянные вы люди, свалились на мою голову! Неужели можно себя так распускать? Семён, у тебя есть понимание, что в наш дом пришла паскудная жизнь. Брось эту гадость, иначе я могу не совладать с собой и могу совершить что-нибудь страшное. Паразиты, «уродила вас ваша мама, что не примет и яма». Вспомнила Антонина про своего бычка, побежала на загон, а там только железная труба-кол. Рассвирепела Антонина, зашла в дом и кинулась на Семёна: «Где бычок? Говори быстро! Продал или пропил, подонок ты несчастный, родитель моих детей!»

– Нет, Тоня, не продал и не пропил! Сдох бычок!

– Тоня, бычок сдох, – залепетал Селиван, он же забыл его поить и не загонял в сарай на ночь, вот он и уморился.

– А, ты, Селиван, козёл с чужого огорода, сидел бы и закрыл своё хайло, оно у тебя всегда открыто, смотри, залетят мухи, – смачно выругался Семён.

, – Негодяй ты, Семён, выбил из-под меня опору, на которую я рассчитывала: хотела немного лучше одеть детей, свезти им немного на зиму мяса. А теперь, скот ты бесчувственный, уходи из моего дома на все четыре стороны, и ты

уходи, Селиван. Получилось, как в поговорке: «Да, держалась я, как кобыла за оглобли, да упала», – сквозь слёзы зарыдала Тоня.

Семён, вращая зрачки, пробовал, было, утихомирить су-пружницу:

– Тоня, прости, мы нагнали много самогона, продадим, долги покроем, а там толкнём ещё пуха козьего, глядишь, опять заживём, как люди.

– Ты, шалопут несчастный, молчи! Ты уже напродавал пух козий. Знаю, как ты предлагал покупателям свой пух. Это было в прошлом году. Селиван же мне сам рассказывал: ввалились, значит, целой толпой цыганки. Они каждый год приезжают в деревню покупать козий пух, а потом его сами перепродают. Старая цыганка поворошила в мешке пух, поддержала перед твоим носом и сказала: «Хозяин, пух-то плохой!» А ты, Семён, как курица мокрая, рядом стоял и лепетал: «Правда, все говорят, что пух плохой». Хватило у тебя, Семён, ума сказать такое цыганкам! Ты что перед встречей с цыганками был обухом ударенный? Решил быть честным? Что они глупее тебя? Между прочим, пух тогда был самый хороший, как никогда! У тебя, Семён, башка с мозгами или мякина? Какой продавец свой товар хулит! Семён, ты, видать, совсем свихнулся с сивухи. Вот, Селиван, коротай свою жизнь с таким мужиком. Идол, ты этакий. Вот что, мужики! Идите вы с глаз моих долой, пока я руки на вас от гнева не наложила. Куда хотите, хотите в лес, может быть, грибов

насобираете, если нет грибов, немного отдохнёте от сивухи. Берите палатку на двоих, еду и воду, спички и тёплую одежду, и вон отсюда! В буреломы, где речные перекаты, может быть, вам там понравится, поживёте подольше. Может быть, ума наберётесь наконец.

– Антонина, у меня ведь нет тёплой одёжи, а ночью будет холодно. – Бессовестный ты, Семён, человек, где я тебе возьму тёплую одежду! Вон бери пальто на «рыбьем меху», что висит в коридоре, в котором ходишь ты летом на рыбалку.

– Хватит, Тоня, разговаривать со мной издевательски, неужто я совсем чужой тебе?

– Да, была душой, полюбила голяка-гуляку!

Семён поглядел на Тонию как-то стыдливо, жалеючи, любимую когда-то. Нелегко ей. Но делать нечего. Отправились Семён и Селиван в лес. Антонина после ухода мужчин привела дом в порядок, проветрила избу. И решила лечь спать пораньше, отдохнуть, как следует.

И вот спит она, и видит сон: на крыше высокой башни находится глава сельской администрации и произносит речь перед бабским сельским сходом: «Дорогие женщины, кончилась жизнь загулявших алкашей. Сегодня мы на нашей сходке решим, что с сегодняшнего дня запрещаем: категорически производить и продавать самогонку, самогонные аппараты конфискуем. Водка будет продаваться только бабам и только по случаю свадьбы или по случаю похорон или для лечения по справке врача. «Правильно! Давно пора! – запри-

читали бабы. – Алкаши несчастные достали нас вконец!»

Антонина проснулась вся мокрая, надо же такой сон приснился, как наяву. После этого она не могла заснуть. Пошли думки, мысли в голове. Семён и Селиван вернулись из леса через два дня, замёрзшие, голодные, заела мошка, и грязные, как черти.

– Антонина, достали нас неудобства в лесу! – заявил Семён, а Селиван весь скукожился, то ли стонал, то ли кряхтел!

– Здесь тоже вас ждут неудобства, – сказала Антонина. Сон подсказал Антонине самые верные слова.

– Слушайте, вы, самогонщики несчастные. Ходят слухи, что самогонные аппараты конфискуют в обязательном порядке, спрячешь – большой штраф, а то и в тюрьму. Водку будут продавать только бабам и то только по уважительной причине: свадьба там, встреча после долгой разлуки или для лечения по справке врача.

– Убила ты нас, Антонина, голубушка. Неужели мужики такую кару заслужили? – разрыдался Селиван.

Антонина раздухарилась, сделалась лицом, как варёная красная свёкла: «Слушайте меня внимательно, изверги! Решения о продаже водки могут менять только на бабьей сходке по необходимости. Лавочку самогонную прикроют. Ну, магазин, может, и не прикроют, но ходят слухи, что водку будут продавать только бабам, у которых мужики работают, а не Семёнам и Селиванам. У вас холопская психология: куда вас пошлют, туда вы и идёте. В вас нету силы самовыжи-

вания. Такой холопской психологией нигде ничего вы не добьётесь.

– Пришла жизнь никудышная, Селиван, что теперь будем делать, а?

– Семён, надо нам с тобой итить работать на кирпичный завод, там, говорят, берут всех!

– Во-во, идите на кирпичный завод, кирпича требуется много, – заключила Антонина. – Да и по вашим лицам видно, что они давно просят кирпича. И пошли Семён и Селиван работать на кирпичный завод. Делать нечего. Долго ли, коротко ли работали, но всё же добились некоторых успехов. Теперь ни водки, ни самогонки. Вечерами считали штабеля сложенных кирпичей. Семён рассчитал, что Антонина не устоит без своего любимого мужика. А Селиван, человек добродушный, вполне согласился с тем, что теперь не гонит самогонку, да и водочки нет. Он про себя давно решил, что он вернётся к Груне. Хорошо помнил, что она за ним всегда приглядывала. Только вот родимая самогонка, которую потреблял Селиван, отталкивала от него.

– Семён, слышишь, Семён! По-моему, твоя Тоня всё нам набрехала насчёт продажи водки. Нет, нет, этого не может быть! – заключил Селиван. – Изготавливать самогонку, наверно, запретят, а вот водку – вряд ли. Как же, братцы, жить без водки, это немыслимо, да и дохода нет государству! Семён, твоя Тоня, точно, взяла нас на «пушку», а мы и поверили.

– Что, ты, Селиван, всё твердишь: поверили, поверили.

Хорошо, что поверили и пошли работать, разум свой очистили от скверны. Я ходил, узнавал, нам с тобой начислили в этом месяце по 10 тысяч рублей, разве это мало? Так что будем с тобой работать, да и Тоне и с Груней будет легче. Считай, если мы с тобой пить бросим – эта же целая революция в доме, в нашем семейном бюджете. Моя Тоня теперь смотрит на меня ласково. – А ты, Семён, Тоне отдашь все деньги, или прижилишь?

– Отдам всё до копейки. Чай, чекушечку принесёт по случаю зарплаты. Пить я теперь не буду, не, не! Я так, для проформы, положено ведь.

– Я тоже пойду к Груне, Семён, принесу ей деньги, расскажу, как мы работаем доблестно. У нас на заводе применяется много техники, так что мы и технику уже почти освоили. Всё расскажу, пусть возрадуется, что теперь на нашей улице тоже праздник. Я тебе, Селиван, прямо скажу, что каждая женщина хочет любви и мужской ласки.

– Дурак, ты, Семён, как-будто ты сам не любишь женскую ласку! Спасибо Антонине за проявление решительности, отчаянных усилий, чтобы вырвать из пьяного болота несчастных алкоголиков.

Ведь «пьянство – это добровольное сумасшествие» – так говорят в народе.

Январь 2010, Калуга

Абитуриент

Рассказ Максима Фигурнова

Конец августа – ещё лето, но за порогом осень. Улетучился зной, от которого страдали в июле, дни стали короче, а ночи прохладнее и длиннее. У выпускников нет теперь такой жажды – непременно искупаться. Нам, абитуриентам, не пристало обращать внимание на перемены погоды и природы. У меня заботы совсем другие, нешуточные. Мне надо непременно поступить в медицинский институт в Москве – этого хотел я и мои родители. Я стою перед зданием аэропорта, рядом отец, бодро оглядывающийся по сторонам. За низким покосившимся забором на лётном поле несколько маленьких белых самолётов. Красный заправщик катит по полю аэродрома, а к зданию аэропорта идут лётчики только что совершившего посадку самолёта. Водитель-заправщик и экипаж идут с улыбками на лицах. Они довольны, что свою работу выполнили успешно. Лётчики идут чуть устало, но бодро, щеголяя фуражками, и ветер закидывает за спину их галстуки, яркое солнце режет глаза. Наконец они вступили в тень, которая, словно драпировка, сползла со здания аэропорта. И я услышал голос отца: «Максим, прилетишь в Смоленск, сразу ищи гостиницу, лучше около базара. В каждом городе около базара есть гостиница для колхозников!» Он называл рынок базаром.

– Хорошо, папа, – сказал я. Отец уже в третий раз сегодня дал мне денег. Да мне хватит

– Бери на всякий случай, бе-е-р-и-и! Он нажимал на «б» и на «и».

Мы с отцом вместе стояли, оглядывая пассажиров, спокойных и суетливых, уже с билетами в руках, кто-то устало жевал пирожок, а кто-то налегал на мороженое. Аэропорт в городе N маленький. Вечерело. Я летел на самолёте первый раз и в совсем незнакомый город. Мы с отцом, видимо, немного возбуждены и взволнованы, особенно отец. Он суетится, торопит меня, чтобы я занял очередь на регистрацию. Мы встали в очередь. Казалось, что пассажиры рассматривают нас, как пришельцев с другой планеты. Я полечу впервые, и сердце радостно бьётся. Меня ожидает Смоленск. Отец рассказывал, что он летал на разных самолётах, что в самолёте кормят и дают леденцы, когда самолет отрывается от взлётной полосы. А еще стюардессы ходят по салону и раздают пакеты. Зачем? Мало ли зачем. Потом он советовал, как быстро и без проблем найти медицинский институт, как нужно подавать документы и убеждать приёмную комиссию, что экзамены, сданные в Москве во 2-м медицинском институте, обязательно засчитываются в Смоленске, и я обязательно должен быть зачислен. Вот этого-то мне почему-то не хотелось, хотелось в самолёт, в Смоленск.

...Август – замечательная пора. Лето. Я не поступил в медицинский институт в Москве, и родители надеялись, что

мои оценки примут в Смоленске, и вот я лечу устраиваться в мединститут.

Смоленск – старый русский город на холмах, у подножия которых плещется Днепр. Помню смоленский парк, скамейки и много шахматистов и болельщиков, которые тихо разговаривали и «болели» за своих. Вечерняя прохлада, запахи цветов, смех девчонок вызывающий у отдыхающих покой и умиротворение. Уже поздно. Я в гостинице, в комнате ещё с десятков кроватей. Кто-то спит, кто-то читает, кто-то копается в чемодане. Тихо. Окно открыто – пахнет флоксами, где-то гремит трамвай. Я проваливаюсь в сон....

Просыпаюсь. Рядом жужжит бритва, весёлый лысый старичок подмигивает и говорит: «Доброе утро! Молодой человек, позвольте спросить, как вас зовут?»

«Здрате, – отвечаю я, – зовут меня Максимом. Максим Петрович Фигурнов, из города N, находящегося совсем близко от здешних мест». Старичок называет себя каким-то длинным именем и отчеством, потом говорит, что он по делам в командировке, и я понимаю, что он важный и известный человек. Несколько, однако, смущает синяк под его правым глазом и несвежая белая повязка наискосок, как у Кутузова. Видя, что я любопытствую насчет повязки, он меня успокаивает: «Пройдёт!».

– Конечно, пройдет, – говорю я, – куда же ему деваться?

Я рассказываю ему, что я абитуриент, и что экзамены в Смоленске не сдавал. Сдавал в Москве во 2-м мединсти-

туте, но не добрал 0,5 балла, что в Смоленске тоже по делу. Неожиданно старик начинает мне довольно эмоционально сочувствовать. «Я тебе помогу, Максим, – говорит он, – у меня в Смоленском мединституте брат двоюродный, профессор, в приёмной комиссии, он обязательно поможет». Он произносит имя и отчество брата. «Да, – подумал я, – мне такую абракадабру не запомнить. Ну, ничего он мне всё расскажет, как его найти и как представиться».

– Я ему позвоню завтра, и всё будет в порядке, – запел, улыбаясь, родственник человека из приёмной комиссии. Пойдём завтракать.

И мы пошли в столовую. В чистой столовой рядом с гостиницей тихо, завтрак уже прошёл, время-то 10 часов. Мы сидим одни за столом, и старик жадно ест макароны, запивая их горячим чаем. Макароны блестят от масла, блестит его лысина от пота, и я слушаю увлекательную историю о том, что все родственники старика так или иначе связаны с медициной. Профессия медика для него вообще является святой, и я, оказывается, очень подходящий абитуриент для этой профессии. Я слушаю и думаю, хорошо, что этот старикан повстречался мне. И это даже ничего, что завтрак мне обошёлся в два раза дороже, у моего нового друга не было мелких денег. Какие пустяки! Ну, да ничего не жалко, какие деньги, он мне вон в каком деле поможет. А вечером я загрустил, вспомнив Москву, я же хотел учиться во 2-м медицинском институте. Думаю, ладно, Смоленск так Смоленск,

здесь парк красивый, буду гулять, знакомиться с девчонками. Здесь тоже хорошо. Мой товарищ уже поел и опять полез в свой чемодан.

– Максим, вот костюмчик себе купил очень хороший, – продолжал облизывать тонкие губы мой новый друг. Хочешь, продам, почти задаром, тебе этот костюм, ты будешь выглядеть не хуже Андрея Болконского или Пьера Безухова – героев Льва Толстого в романе «Война и мир».

– Дорогой? – спросил я.

– Что вы сказали?

– Я говорю, сколько стоит костюмчик?

– Совсем недорого, – он назвал незнакомое слово «бостоновый», погладил пиджак и положил в чемодан, – стоит 80 рублей.

– Дорого, – говорю я, вспомнив, сколько стоил мой костюм на выпускной вечер.

– Могу уступить за 50, хочешь?

Я почему-то засомневался. Всё же 50 рублей – солидная скидка. Вот, думаю, купить или не купить? Потом будто очнулся, какой на фиг костюм, зачем мне костюм, у меня и денег – то всего 10 рублей, после завтрака уже 6. Я лихорадочно вспоминаю все свои расходы: парк, гостиница, завтрак на двоих. Электричка из Смоленска до Москвы – 2 рубля и ещё— 2 целковых до города N. Итого: 2 рубля.

– Слушай, Максим, если не хочешь купить, дай мне взаимы 5 рублей. Ты не думай, профессор из Смоленского мед-

института нас не подведёт – он врач, профессор – самый известный человек в Смоленске.

Я протянул ему 2 рубля. Как же можно другу отказать, если он просит?

– Хорошо, слушай, давай сделаем так, поедем к тебе. Я хочу познакомиться с твоими родителями, потом поедем опять в Смоленск, и я буду просить своего брата записать тебя на 1 курс медицинского института.

Мне показалось это вполне разумным. Тем более, денег больше нет и, значит, надо ехать домой. Правда, придётся потратить немало времени. Но мой новый лысый друг взял свой чемодан, и мы пошли. По дороге на вокзал мой незнакомец вспомнил, о каком-то очень важном деле, и мы договорились, что я поеду домой один, а он приедет завтра. Я написал ему подробный домашний адрес, сказал, что живу на первом этаже в пятиэтажном панельном доме недалеко от вокзала. Моего друга, как мне показалось, это огорчило. Расставались мы старыми друзьями почти по-родственному. Я думал о том, как это здорово, что везде живут хорошие люди, они всегда готовы прийти на помощь. Пригородная электричка из Смоленска в Москву была забита до отказа, наступила пятница, и народ рвался в столицу за колбасой. Я сидел у окна, сумок у меня не было, я сидел и смотрел по сторонам. Народ в электричке красивый, колоритный. Они смеялись и разговаривали, читали и ели, спали и уступали друг другу места. Общая атмосфера доброжелательно-

сти и ожидания чего-то счастливого, ясного и обязательного хорошего. Прямо напротив сидит огромный подвыпивший мужчина и смотрит на меня с умилением. Глаза и лицо красные, но выражают радость и покой. Я смотрю на него доброжелательно и с улыбкой.

– Что, молодой, в армию собрался? Служба в армии молодым людям сильно помогает в выработке своего характера. Правильный характер – это успех на всю жизнь. Ты меня, сынок, сильно не осуждай, – продолжил мой новый знакомый, – у меня сегодня праздник. Звать меня Яковом. Я работаю на селе агрономом, это, понимаешь ты, нелёгкая работа.

Яков отвернулся, разговаривая с кем-то из людей, сидящих за его спиной. Я задремал. Проснулся от толчка в плечо, это мой попутчик вновь решил продолжить беседу.

– Молодой, слышишь, молодой! Я институт закончил, заочный, – сказал Яков и самодовольно оглянулся вокруг, чтобы и все оценили по достоинству его речь. И продолжил: «Теперь я агроном – дипломированный, понимаешь!» Пахнет от него водочным перегаром, он сильно навеселе, из его глаз сыплются искры удовольствия и глубокого удовлетворения собой и окружающими. – Не куришь?

– Я мотнул головой.

– А я пойду покурю!

Яков исчезает в тамбуре. Проехали половину пути на Москву, когда новоиспеченный агроном ушёл покурить, да так и не вернулся. Уже на вокзале, в Москве, я сидел

в пустом вагоне и смотрел на чемодан и куртку, оставленные в вагоне Яковом.

– Уважаемые пассажиры, просьба освободить вагон, поезд прибыл на станцию назначения и дальше отправится в депо, – слышу я объявление. И тогда я взял куртку Якова. Она была довольно тяжёлая, что—то посыпалось на пол, это были деньги. Столько денег я прежде никогда не видел.

– Где у вас здесь находки сдают? – спросил я у вокзального милиционера. – В столе находок. Потерял что-то?

– Нашёл, – ответил я. Очень довольные сотрудники бюро находок с нескрываемой радостью принимали у меня деньги.

– 300 рублей! – сказала тётенька. – Так! А теперь давай вещи в чемодане описывать – сказал длинный дяденька в очках. Зазвонил телефон.

– Вот и хозяин нашёлся! – крикнул очкастый. Кажется, в его голосе была досада.

Просидев часа полтора в этом бюро, я наконец вырвался на свободу из душного вокзала. К вечеру был уже дома и с наслаждением пил чай. Родители слушали мой рассказ, как я съездил в Смоленск и как устроился в институт.

– Остался совсем пустяк. Познакомлюсь с братом моего друга, лысого типа с повязкой на глазу, и всё дело будет «в шляпе», буду в институте, он завтра придет, – закончил я. Посмотрел на отца.

– Эх, сынок, мы думали, что ты поумнел, а ты попал в историю. Мы не рассчитываем на такое, прямо скажем, «везе-

ние». У тебя отличные знания и родители не из таких людей, чтобы связываться с проходимцами. Правда, неизвестно, может, он человек и порядочный. Приедет – встретим. Кстати, ты не спросил его, а зачем он к нам едет? Будем начеку.

После разговора с родителями поселилось в моей душе сомнение: «Что – то не так с этим стариком, синяк под глазом, и костюм в чемодане за 80 рублей, явно, не бостонский!»

Утром родители готовились к встрече гостя. И лысый пришёл!

– Вот он! Я говорил! Не обманул! – душа пела, а в голове – сомнения. Старик между тем покорял моего отца и маму, сыпал комплименты, и я видел, что он готов продемонстрировать костюм. Отец прервал его: «Пойдём завтракать», – мягко сказал он, – и тут я знал – мой приятель не откажется. Отец готовил удивительные сырники со сметаной, только за один аромат этих сырников лысый должен оставить костюм и отдать мне 2 рубля!

Ел он как в ресторане, резал сырники ножом, кусочки макал в густую сметану, потом медленно подносил ко рту. Он клал сырник в рот, и на его лице светились радость и счастье. Чай лысый пить не стал, как-то быстро засобирился, зашпешил, и очень элегантно покинул наш дом. Я смотрел, как он бежал, помахивая чемоданом по улице. «Всё понятно, – произнёс отец вслух, – вор он! Рецидивист, наверно, вещи у него ворованные, и нет у него никакого брата-профессо-

ра». Отцу не жалко было сырников, а ему было жалко старика, опустившегося на дно жизни...

С тех пор прошло много лет. Недавно я ездил в Москву за покупками, но ничего не купил и с крупной суммой денег, на обратном пути заехал перекусить в Макдональдс, где и оставил сумку с деньгами. Приехал домой, в свой город, сумки нет, вероятно, после еды расслабился и оставил сумку с тридцатью тысячами в Макдональдсе.

Позвонил туда, ответили, что есть такая сумка, можете приехать и забрать. Я, естественно, приехал, поторапливая электричку от нетерпения, представился. Ко мне подошла худенькая девочка и сказала: «Я начальник смены Макдональдса, сколько денег было у вас в сумке?» Я ответил, что 30 тысяч рублей. Она протянула мне сумку, повернулась и ушла.

– Подождите-подождите, я вас должен отблагодарить, – сказал я. – Ничего нам не надо, это наш долг – возвращать посетителям оставленные вещи в целости и сохранности.

– Спасибо, спасибо большое, и успехов вам, – сказал я начальнику смены. Я оставил им 5 тысяч рублей и огромный торт, а 2-й Московский медицинский закончил я давно, но события ушедших дней помню до сих пор. Смоленск, красивый парк, отдыхающие. Старикан лысый с повязкой на правом глазу. Яков, оставивший чемодан в электричке на Москву. Сырники, которые, макая в сметану, уплетал мой лысый друг с повязкой на глазу, сожалея о том, что босто-

новый костюмчик он до сих пор так и не продал. Вот что значит – опуститься на дно жизни, а как важно доверяться только своим знаниям, а не проходимцам.

Апрель 2012, Калуга.

АВОСЬ

Василий Иванович Рудаков – спортивный худошавый сорокалетний мужчина – работал водителем еврофуры. Человек он непростой. Он тороплив и строптив, как мотогонщик на гаревой дорожке. Пыль с камушками летят на зрителей с невероятной скоростью. Люди в испуге. А Вася в этом случае бывал довольным. Он не может предугадать отношение к себе других людей, иногда принимает до конца необдуманые рискованные решения, борется за правое дело, как настоящий революционер. Может, к примеру, броситься выяснять отношения хоть с кем, будь это полицейский или вооружённый бандит. Чужие недостатки вызывают в нём гнев, а в своём глазу и бревна не замечает. Если не спится, то Вася может вас разбудить в три и в четыре часа ночи, чтобы решить ерундовый вопрос. Он объездил всю страну, бывал и за рубежом, повидал на своём жизненном пути всякое. Начальник автоколонны его уважает, потому что премии, причём немаленькие, получает он благодаря и таким работникам, как Василий. Он ставит его в пример, а при встрече обычно спрашивает: «Василий Иванович, как жизнь-то?». Василий Иванович отвечал: «Живём в трудах, грехах, всё стараемся делать для родной компании. Спасибо, товарищ начальник, за тревогу и заботу».

Вася зарабатывал хорошие деньги, но дома приходилось

бывать редко. Его жена, Галина Камилевна, предусмотрительная и осторожная, как лиса перед добычей, сложная чувственная женщина. Однако может держать все свои думы и страдания под контролем. Несмотря на глубокие переживания, она умеет быть женственной. Галина не суетится, изучает свою среду обитания, будь это дома или на работе, всегда ищет целесообразность своих поступков. Она щепетильна, у неё изысканный вкус, всегда покупает хорошие вещи. В последнее время подолгу оставалась без мужа, и об этом откровенно и с обидой сказала мужу перед очередной поездкой.

– Василий, дорогой мой человек, я придерживаюсь правила: душа на месте, когда вся семья вместе. Мне надоело одиночество, я постоянно одна, словно я вдова. Дети меня спрашивают, где же так долго папа пребывает? Ты бороздишь просторы Европы и России, а я прозябаю в ожидании тебя. А детям нужна мужская рука. Ты даже не знаешь, чем они занимаются, чем увлекаются, тебя влечёт муза дальних странствий, города, отели, мотели, метели. Я не чувствую мужского влияния на детей. Да и я могу тоже позабыть, что я замужем. Я хотела бы быть женой настоящего джентльмена, а не пришельца, который является раз в год по обещанию.

– Галя, ты меня обижаешь. Я разве не для вас стараюсь заработать на хлеб насущный. Да, езжу я в пургу, в метель и в пору грозových ливней. Разве это не требует ко мне уважения со стороны всего семейства и жены? Я могу быть с то-

бой рядом, я даже этого хочу. Но, а с деньгами как? Я же здесь столько не заработаю, как бы ни старался. Ведь поговорка гласит: «Алтыном воюют, алтыном торгуют, а без алтына горюют».

– Вася, пойми, у нас двое детей, за ними, я думаю, нужен глаз да глаз. Они повзрослели, не всегда меня слушаются. Ты, наверно, не забыл, Игорь учится в 11-м классе, а Ани-та – в 10-м. У детей переходный возраст. Оба занимаются в спортивной школе, но в последнее время у Игоря появился дружок Юра. Дал бы бог ноги, от него бежать надо, а Игорь с ним подружился. Игорь часто пропускает занятия в спортивной школе, то же самое происходит с Анитой.

– Галя, я с пониманием отношусь к твоей просьбе. Я думаю, что наша разлука только украшает нашу новую встречу. Только как говорится: давай сядем рядком, да поговорим с ладком, как удачно устроить нашу жизнь.

Вечерело. Галя, насупившись, смотрела в окно, не глядя на мужа. Она всплакнула от того, что муж нисколько ей не сочувствует. Родня для него – только фура, груз и дорога. Василий подошёл, молча обнял Галю и крепко прижал к себе. Галя стояла, пригорюнившись, а Василий целовал и поправлял непослушные пряди волос. Скоро новогодний праздник, а Рудакову – опять в дорогу. Надо срочно отвезти новогодний груз. Вася – человек исполнительный, да и надо заработать денег. Поэтому чуть свет, Вася опять засобира-лся. Жена понимающе отнеслась к просьбе Васи, как-никак

просил его о поездке сам начальник. Собрала ему всё необходимое для дальней дороги.

Только выехал из города, тут как тут пурга. Ах, ты, мать честная! Зимняя дорога: пурга, метель, заносы, недаром поговорка гласит: «Месяц январь – зимы государь». Путь далёкий домой из Москвы в город N, дороги не успевают расчищать, стали образовываться пробки, холод, горячей еды на трассе днём с огнём не отыщешь. Словом, намаялся, вместо одних суток ехал до дома более трёх. Но, однако, добрался. После долгой разлуки светились улыбки на лицах Василия и Галины. Но Галя всё же решила всерьёз поговорить с мужем после возвращения из командировки. – Вася, – сказала жена твёрдым и настойчивым голосом, не предвещающим ничего хорошего, – надо бы тебе поговорить с детьми. Я чую, в дом может прийти беда.

– Галя, ты пойми, у них сейчас переходный возраст, хотят больше самостоятельности. Придет время, всё станет на свое место, разве, Галя, мы не такими были?

– Недавно к нам приходил товарищ Игоря Юра Воронцов, – продолжает Галя. Ты знаешь этого мальчика? Он всегда с нашим сыном общается, используя жаргон. Я слышала их тихий разговор в комнате Игоря. Воронцов спрашивает Игоря:

– Ну что, испытатель, на Новый Год твои шнурки будут дома?

А Игорь отвечает:

– Святые сосиски! Да, они свалят.

– Вот это малина! – восклицает Юра Воронцов. – Надо сказать моей Матильде.

Галя с удивлением, широко раскрыв глаза, уставилась на Василия, как будто эти слова из его лексикона.

– Я приоткрыла дверь комнаты Игоря, а он весь покраснел и заколебался: «Мама, ты что хотела?». Я говорю, ничего не хотела, но слышу какой-то непонятный для меня разговор.

– Мама, мы это между собой говорим на молодежном сленге. – Я спрашиваю, что это – секретный разговор? Он говорит: «Ну, что ты, мама, нет, но так принято разговаривать в молодежной среде». Я вышла, дверь комнаты Игоря закрылась. Юра продолжил: «Вчера у Рудольфа потусовались в тамбуре, гоняли порожняк, сушили зубы, несли всякую шнягу, шароболили насчет японской гитары, но у нас пока не хватает капусты».

– Вася, я думаю, что они серьезное что-то задумали, а? Не дай Бог, совершат какое-нибудь преступление. Я боюсь, больше тебя в дальние поездки не отпущу. Пойми, Вася, за детьми теперь нужен глаз да глаз! Посадят на цугундер!

– Я ему покажу «испытателя!» -закипел Вася. – Галя, знаешь, кого зовут «испытателем» на молодежном сленге? Кто первым выпивает во время застолья. Ах, наглец, я работаю денно-нощно ради хлеба насущного, а он догулялся до того, что его зовут «испытателем». Ну и дела! Мы, родители, Галя,

оказываемся «шнурками», потому что путаемся под ногами, мешая их замыслам, вот до чего мы дожили! По их понятиям, высшая ступень интеллекта – это знание молодежного сленга, который позволяет говорить им только на понятном их языке.

Галина огорчилась и рассердилась. В общем, Галину занесло. Все «помои» она вылила на мужа и сказала: «Или я и семья или твоя фура, решай, Вася! Если не поменяешь режим, то уходи на все четыре стороны».

Вася тоже занервничал, он ходил по комнате и рубил рукой воздух: – Галя, ты пойми, я не для себя стараюсь, а добываю деньги на содержание семьи, на обучение детей в будущем. Понимаешь ли ты, голова садовая!

– Пойми, Вася, если мы упустим детей, твоя «добыча» ни к чему. Ты пойми, что они разболтались, нужен для них мужской разговор! Наконец, когда будешь каждый день с семьей? А?

– Галя, родная, любимая! Прости меня! Что мне делать? Уволиться? Кто будет кормить семью? Может быть, позовем бабу-повитуху? Бабки-повитухи, они на все руки! И Вася широко и задорно улыбнулся за «бабу-повитуху».

– Вася! Что ты несешь? Давай образумимся! Не обижайся на меня, я хочу, чтобы в семье был полный лад, а самое главное, чтобы дети выросли достойными людьми нашей семьи.

– Хорошо, Галя, завтра пойду в управление коммунальной службы города, может быть, возьмут меня водителем

большой вакуумной автомашины, которая вывозит при авариях канализационные стоки. Буду чистильщиком канализации. Я не чистюля, не боюсь грязи. Прежде всего, я мужчина, муж и отец своих детей. Всем вам желаю только добра, – горячился Василий. Если возьмут, куда деваться, к тому же я слышал, что там неплохо платят.

Солнце заливает улицу, приближается весна. Вот во дворе на березах уже распускаются почки. Кому весна и романтика, а Васе заботы одни. Он приехал в Управление коммунальной службы. Из кабинета директора то и дело выходят покрасневшие от общения с директором начальники отделов коммунальных служб. Оглядев оценивающе с ног до головы новоявленного работника, секретарша приглашает войти. Директор сидит, словно петух поклеванный, тоже покрасневший от общения с подчиненными. – Товарищ директор, – обращается Рудаков, – я хотел бы работать у вас водителем.

– Нам просто водители не нужны, у нас специальные машины для обслуживания водопроводных сетей и канализации. Сейчас нам нужен водитель для работы на вакуумной автомашине, время торопит, городская канализация старая, часто выходит из строя. Беда, да и только. Кроме того, мы обслуживаем частный сектор по удалению ассенизационных отходов, а иногда приходится ездить на нефтебазу для очистки колодцев от нефтепродуктов. Будете управлять не только автомобилем, но и вакуумным устройством. Там сложного ничего нет, наш механик покажет, как и что. Платим мы

за эту работу хорошо, так что не обидим.

– Ну, что же, наши потребности совпадают, – заявил Василий. Я тоже хочу работать на вакуумной машине, слышал, что вы прилично платите. Мне это важно, у меня взрослые дети, у которых потребности большие. Сами пока ничего не зарабатывают, заканчивают среднюю школу.

Долго вертел в руках начальник коммунальной службы трудовую книгу Рудакова, а там одни благодарности и денежные поощрения. Начальника, однако, смутило, что Василий меняет такую работу на ассенизационную машину. Но вердикт оказался положительным, он сказал, как отрезал:

– Устраивайтесь. Сейчас я приглашу механика, он покажет вам будущее рабочее место – автомобиль, на котором вы будете работать. Пришел механик, раскрасневшийся, как рак: всегда вызывал его главный инженер, а сегодня сам начальник. Он разволновался, с порога доложил: «Слушаю вас, товарищ директор». «Сергеев, – слушай меня, к нам пришел, – еще раз посмотрел на трудовую книжку и продолжил, – новый водитель, товарищ Рудаков. Пожалуйста, будь добр, покажи ему вакуумную автомашину, на которой нет у тебя водителя. Свози его на место аварии, покажи, как и что». «Будет сделано, товарищ директор», – доложил механик. Механик и Вася удалились. Механик показал Рудакову автомашину. Она понравилась Рудакову. Автомашина почти новая, прямо с иголки.

И пошла для Васи жизнь – совсем другой коленкор.

Рудаков теперь работает на новом месте, хорошо зарабатывает, жена довольна. Дети стали более усердно учиться, не пропускают занятия в спортивной школе. Под жестким и неусыпным родительским контролем дети стали исправляться, потому что Рудаков побывал в школе, в том числе и в спортивной. Поинтересовался там, поговорил с наставником. Дети к голосу отца прислушались. А куда деваться? Рудаков каждый вечер дома, как штык. Правда, работа грязновата, но ведь и ее кому-то надо делать. С большим усердием он устранял аварии, получал благодарности и премии за свою работу. Грязь – она не липнет, если работать аккуратно. Она смывается, проходит, как печаль, когда её выскажут. Да и автомашина большая, выглядит солидно. Она вся разукрашена, словно девица озорница, похожа на космическую технику. На машину нацеплены шланги, толстые и тонкие, ручки управления и много всяких штучек, непонятных простому обывательскому глазу. Сразу видно, что перед тобой серьезная техника. А потом ведь жители ждут, когда устранят аварию и заработают водопровод, канализация. Так что Рудаков почувствовал свою нужность людям.

Дети вернулись в спортзал, учатся хорошо, а Юра и во все исчез. Галина была на седьмом небе от счастья, не могла не нарадоваться. Вот только, если видела в городе, как работают аварийщики, то она начинала волноваться. Василий ведь тоже выполняет такую работу. Да что там, теперь и в театр и на другие общественные мероприятия сходить можно.

Галина расцвела, как майский цветок.

Но вот однажды в выходной в одном из районов жилого поселка произошла серьезная авария в канализационных сетях. Вскрыли экскаватором канализационную трубу, откачали несколько цистерн нечистот из колодца засорившейся канализационной трубы. Слесари уже заканчивали уже работу, а Рудакову оставалась сделать последний рейс, отсосать остатки канализационных стоков из колодца. Он подустал, и как-то так неудачно подъехал к колодцу, что траншея канализации за мгновение ока обрушилась и потащила за собой автомобиль. Автомобиль сильно накренился, ударился днищем цистерны о металлический забор сквера. Днище получило довольно глубокую вмятину, к тому же порвался неизвестным образом всасывающий шланг.

Мастер вызвал автокран, который быстро приехал, вытащил автомашину из траншеи. Раздосадованный Рудаков уехал с места аварии с разрешения мастера, так как порвал всасывающий шланг. Для откачки оставшихся стоков пришлось вызывать другую машину. Рудаков огорчился, но духом пал не сильно, ведь сама автомашина исправна. На другой день произошла серьезная авария в районе детского сада. Канализационные стоки заполонили округу возле детского сада. Но Рудакова голыми руками не возьмешь, он уже втянулся в эту работу, и даже гордился, что он работник аварийной службы, очень нужный человек, а не проходимец. Поэтому ехал спокойно, глядя через стекло кабины вперед на ми-

риады автомобилей, на красоту окружающего мира. Цвела сирень, во дворах буйные травы рвались к солнцу, красота, да и только. Самое главное – наладились отношения в семье. Это его очень радовало. Погода хороша, солнце бьет в лицо, то и дело солнечные блики на переднем стекле автомобиля ласково омывают его лицо. Работа привычная, никаких неожиданностей не должно быть. Но вот все ремонтники в сборе. Приехала аварийная команда коммунальной службы, в том числе и Рудаков на своем «лайнере», как он называл свою автомашину. Приехать-то приехал, но сделал одно упущение: не испытал автомашину в работе после полученной вмятины. Ему казалось, что всё нормально, открытых трещин на месте вмятины не видно. Первым делом его вакуумная автомашина стала на откачку нечистот из колодца, бурлящего грязным потоком. Двигатель автомашины работает на полную мощность, а откачки нет, только воздух заходит со свистом в цистерну через образовавшуюся трещину в сварном шве на месте вмятины. Рудаков, горячая голова, попросил сварщика Авдеева, который находился со своим сварочным агрегатом на сварке трубопровода, заварить свищ. Сварщик Авдеев, совсем молодой человек, рыжеватый с веснушками юноша. Он немного был растерян от такой просьбы, так как никогда ему не приходилось заваривать цистерны. Рудаков настоятельно просил заварить свищ, говоря, что страшного не случится, он возит в цистерне только грязную воду, забыв, что не раз откачивал из колодцев нефтеба-

зы разлитые при ремонте нефтепродукты. И сварщик согласился. «Минутное дело, сейчас заварю», – сказал он. Приступил к сварке образовавшейся трещины. Днище цистерны начало пучиться, сварщик приостановил работу. «Ничего, ничего, – говорит Рудаков, – осталось совсем немного, давай заваривай до конца, осталось совсем чуть-чуть, авось, всё будет нормально. Только Вася сказал эти слова, тут же раздался мощнейший взрыв, днище вырвало взрывом, ударив этим днищем одновременно сварщика Авдеева и Рудакова, которые пали замертво на другой стороне траншеи, полные остатками грязи из взорвавшейся автомашины. Так бесславно закончилась эпопея сварки цистерны вакуумной машины, которая была начинена газами канализационных стоков и остатков нефтепродуктов. Дети водителя и сварщика остались без отцов. Хуже не бывает. Беда пришла в семье. Да и бригадир-мастер, руководитель работ, ходил мрачнее тучи, никак не понимая, как это случилось, он весь скукожился и побледнел. На место трагедии приехал директор коммунального хозяйства города, а также следственная бригада. Расследование с участием эксперта показало, что произошло элементарное нарушение правил техники безопасности при сварке сосудов, перевозящих отходы нефтепродуктов и содержимое канализационных отходов. Вася – голова бедовая – забыл о том, что внутри цистерны находилась гремучая смесь, а сварка только ускорила эту трагедию. Известно каждому шалопаю, что при нагреве быстро уве-

личился объем газов, а когда еще и воздух поступает, то это создает критическую взрывоопасную среду. Даже в инструкции по технике безопасности прописано: «Чтобы провести сварку внутри таких сосудов следует обязательно промыть цистерну, провентилировать и проверить газоанализатором загазованность». Этого не было сделано, обычное русское «авось». Но кто читает инструкции, кроме сочиняющих их? Директор, сидя в кресле, ломал голову: «Как же могли допустить такое Рудаков и Авдеев? Куда они торопились? С их стороны было принято совершенно необдуманное решение». Но теперь что волосы рвать на голове?! Надо помочь семьям Рудакова и газоэлектросварщика Николая Авдеева. Авдеев – молодой семьянин – пострадал из-за своей доверчивости. Не хватило опыта отказать водителю, вечно торопливому и спешившему. Ребенку Авдеева всего 6 месяцев, теперь надо жене идти работать. Директор обещал устроить ребенка Авдеева в ясли, а вдову Надежду Ивановну принять к себе на работу в оранжерею.

Жена Рудакова, Галина Камилевна, находилась также в глубоком трансе. Не могла до конца осознать потерю кормильца. «Это я во всем виновата, – думала она, – сорвала его с места работы». Она теперь сожалела и бичевала себя, что её глупая настойчивость привела к такой трагедии. Она сникла, прежняя деловитость во всем отошла на второй план. Нужно вновь выстраивать пошатнувшуюся жизнь, а кто теперь за детьми присмотрит, кто с них спросит строго. Да что те-

перь говорить? В общем «хотели, как лучше, а получилось, как всегда».

Дети, Игорь с Анитой, особенно сильно переживали смерть отца, стыдно было за «святые сосиски» – этот восторженный возглас Игоря по поводу отсутствия родителей. Теперь вот нет отца, но как бы они были рады, если бы он вернулся. Малыш сварщика Авдеева пока не понимал, что уже теперь он остался без отца, а Надежда Ивановна, крепкая, как вся Русь, она все выдержит и вынесет. Только вот немного похудела, легли неглубокие морщинки на лбу и вокруг глаз. Эх, долюшка женская! Хотели, как лучше, а получилось, как всегда.

Июнь 2013 год. Калуга

Судьбы² Повесть

Миша Курков родился на Южном Урале в 1920 году, в середине февраля, в красивом и уютном райцентре в деревне С.

Бабка, повитуха Екатерина, говорила отцу новорожденному:

– Ребенка, родившегося утром в феврале, ожидает беспокойная жизнь, ему всего придется добиваться своими силами.

– Поживем-увидим, – спокойно парировал Дмитрий, отец новорожденного. – Только вы об этом не говорите Марии, она может расстроиться.

Семья Дмитрия была дружна и крепка. Дмитрий содержал свое домашнее хозяйство в лучшем виде, дети – цветы жизни – радовали своих родителей тягой к грамоте и домашнему труду. Время было тревожное. На пороге – предгрозовые 1939—41 годы. Но молодость немного беспечна и не привыкла смотреть по сторонам. Два брата Миши Евгений и Александр 13 и 10 лет любили старшего брата, во всем брали у него пример. Деревенский спортсмен, гармонист и затейник привлекал к себе немало девчат, да и мальчиш-

² *Имена героев и отдельных населенных пунктов изменены.

ки старались следовать за ним. Мишины родители Дмитрий и Мария не чаяли души в своих детях. Конечно, жили бедно – советская власть еще не крепко стояла на своих ногах. А тут грянула финская война, унесшая немало жизней. Она, слава богу, быстро победоносно закончилась нашей победой. Но радости особой не было. Призрак предстоящей войны с Германией бередил умы, хотя и был подписан между СССР и Германией пакт о ненападении.

Миша рос озорным любознательным мальчишкой. После успешного окончания десятого класса ему предложили пойти в учителя начальных классов. Небольшая деревня распахнула свои объятия, учителей очень не хватало. Миша проработал в этой школе год. Его любимая мама болела давно, но не сдавалась. Её поддерживала любовь ее детей. Но все же перед самой войной Мария ушла безвозвратно на вечный покой. Потеря для всей семьи великая и невозполнимая. У Миши, кроме спорта, было немало и других увлечений. Девушки заглядывались на молодого подтянутого паренька. Но всем другим он предпочел девушку по имени Эльвира. Ровесница Миши, она приехала учительствовать в младших классах. Длинные темные волосы, а глаза зеленые-зеленые, которые при встрече впивались в лучезарные глаза Миши и смущали Мишу. Словом, промелькнула молнией между ними искра любви. И не могли они оторваться друг от друга. Взаимная любовь Миши и Эльвиры была чистой, преданной и незабвенной. Работа в школе с ребятами младших клас-

сов научила Мишу умению общению и дружбе. Он повзрослел, научился быть требовательным и ответственным. Время шло. Школа пополнилась новенькой учительницей начальных классов. Галина Викторовна Семина. Прошу любить и жаловать. Особа весьма самоуверенная, себе на уме, но строгих правил. Она уважала расторопность и послушание, так что ученики побаивались и вели себя тише воды ниже травы. А в это время Европа бурлила. В мире редко бывает, когда спокойно живется людям: войны, революции – всегда попутчики нашей жизни. Страна Советов работала, не покладая рук, в Европе разгорался пожар Второй Мировой войны. А летом 1941 года беда заглянула и к нам. Советские люди, закаленные и просмоленные в трудных жизненных обстоятельствах, ожидали, что это случится. Хотя фашисты и шли на всякие хитрости, чтобы обмануть советское руководство, советских людей. И вот: «Вставай, страна огромная...»

Провожать на фронт сына пришли отец и братья. Вот тут Миша познакомил свое семейство со своей девушкой, только без мамы. Эльвира и Миша простились тихо, скромно, не привлекая особого внимания своих близких и посторонних, ведь это же не свадьба. К тому же на призывном пункте стоял такой шум и гам, трудно было понять, кто с кем разговаривает. Говорили, кричали, плакали! Миша ушел на войну, оставив невесту, отца и двух братьев. Страха сильного Миша не испытывал, как и другие его сверстники, которые

вместе с ним проходили военную подготовку в воинских лагерях. Молодые люди всех республик советских, призванные из разных краев нашей необъятной Родины, не поддавались унынию и печали, а наоборот бодрились, как могли. Можно было слышать в свободные минуты от занятий разные прибаутки, анекдоты. Смеялись, подкалывали друг друга, кто во что горазд. Саратовец Петя, бывший цирковой акробат, шутил и смеялся: «Русский воин храбр и стоек, что и один в поле воин».

«Без уныния и печали мы пойдем в смертный бой», – вторил отчаянный астраханский рыбак. Торжествовал всеобщий душевный подъем. Занятия продолжались. Марши, стрельба, передвижение по пересеченной местности, по-пластунски. Самое главное, офицеры обучали вновь призванных красноармейцев теоретическим основам артиллерийского вооружения, затем обращению и стрельбе из орудий. Ведь тут должна присутствовать слаженная четкая работа расчета. Опытный командир, коренастый, всегда подтянутый часто говорил о том, что боец должен быть смел и решителен. Он должен быстро мыслить и принимать решение. Миша попал в артиллерийское подразделение, где служили настоящие мужики. Один за всех, а все за одного. Бывалые воины и молодое поколение слились воедино. Отношения молодых и служивых людей между собой сложились надежные, крепкие. Старослужащие опекали молодежь, да и ребята им под стать, самые тяжелые работы брали на себя

и первыми выскакивали на выстрел. Это и называется войсковое товарищество и преданность стране. Миша вспоминал трудные бои на западных рубежах нашей страны. Сколько было отбито атак в жестоких боях. Иногда кончались снаряды, и тогда в ход шли винтовки и гранаты, а иногда и штыки. Смертельная схватка с врагом набирала обороты. Смерть уносила ежедневно тысячи жизней с обеих сторон. Как все же несправедлива война! Коварные замыслы воинствующих главарей фашистской армии были брошены на жертвенный алтарь всего человечества.

В первые месяцы войны нашим бойцам приходилось трудно, а немцы, с опытом ведения войны в Европе, с мощным вооружением, имея перевес в живой силе и современной технике, шли в наступление. Особенно тяжелые бои шли на оккупированных западных территориях. Наступила суровая зима. Не всегда вовремя успевали подвезти нашим частям боеприпасы из-за снежных заносов. Превосходящими силами немцы сумели окружить группировку наших войск. Туго пришлось тогда нашим бойцам. Дрались один за десятерых. Но силы были не равны. И командир дал приказ выходить из окружения мелкими группами скрытно, чтобы сберечь живую силу, указав в качестве места сбора деревню Ключи, где еще не было немцев. Но одно дело на словах, а на деле немец упорно расстреливал наших бойцов. Потери мы тогда понесли немалые. В этом подразделении и служил Миша Курков со своим земляком Андреем Карповым. Они

вырывались из окружения болотистой местностью, где не замерзала вода даже зимой из-за родниковых вод. Миша провалился в болото, еле выбрался из него с помощью своего товарища. Это обстоятельство сильно ухудшило положение Куркова и Карпова. Ноги начали замерзать. Хорошо еще, что быстро вышли из леса, немцев, вроде, нет. Но только очутились на опушке леса, тут же появилась группа «Смерш». Один из офицеров группы «Смерш» окликнул вышедших из леса красноармейцев.

– Руки вверх, – крикнул капитан из «Смерша, – и продолжил, – вы кто будете? Немецкие шпионы или красноармейцы, бегущие с поля боя,

так? Ваши документы, – сказал, капитан.

– То...рищ ка... тан, – окаменевшим и дрожащим и невнятным голосом едва проговорил Карпов, – м...ы...ы не см-ож-...м ...амказатькум... ты, руки и но... ги о..мо..жены, ...моги..те о..пра..ви.. нас в гос... п..таль.

Обморозившие руки и ноги старший сержант Курков и его наводчик Карпов едва стояли, затем рухнули на снег, как подкошенные, пальцы рук и ног совсем ничего не чувствовали. Выход из окружения – выход из ада. Доставили обоих бойцов срочно в военный госпиталь в Калуге. Обморожение пальцев ног, рук. Ох, это нудное и тягостное лечение: операции, процедуры, уколы, перевязки. Доктор говорил: «Плохо берегли бойцы свои ноги, утеплить надо было ноги, порвав нательную рубаху на портянки. Хорошо, что

не пришлось отрезать замерзшие пальцы рук и ног, после лечения остались только рубцы».

Пожар войны разгорался. Только фашистского гада отбросили от Москвы, он полез в Сталинград. Февраль 1942 года. Позций противника не видно. Но он рядом, слышно его дыхание. Надо иметь высокое мастерство в маскировке, чтобы не обнаружить себя. Бои тяжкие, вязкие. Каждый дом обстреливался в упор. Жильцы выбыли. Вместо жильцов в подвалах боевые подразделения. Дрались за каждый дом, за каждый этаж. За каждую пядь. В это пекло и угодили Миша Курков и Карпов Алексей, которые вынесли на своих плечах окружение, ранение, не потеряв веру в победу русского советского воина. Прикрепили их к закаленному в боях в Сталинграде подразделению. Курков Миша – командир орудия, Карпов – его артнаводчик. Били фрицев, не жалея живота. За время боев в Сталинграде батарея старшего сержанта Куркова Михаила подбила не один танк противника, и немало было уничтожено вражеской пехоты. Но немцы постоянно пополняли свои потери. А на нашей стороне неукротимый дух и желание вымести врага с порога нашего дома. Отстоять честь и свободу. Все это и поддерживало наших бойцов в самые трудные минуты сражений. В смертельном бою сошлись наши бойцы с немецкими захватчиками.

Раннее утро. Мороз, падает небольшими хлопьями русский снег. Наши войска и немцы не нарушают тишину в этот

утренний час. Миша из-за укрытия, вскидывая то и дело свой бинокль, наблюдает за немецкими позициями, находящимися за небольшим пустырем. Вдруг раздается легкий щелчок, и Миша падает навзничь, мгновенное затмение, он потерял сознание. Карпов и его товарищи-друзья быстро перевязали друга и направили в санбат. Ранение оказалось серьезным – пуля вошла в левый глаз и вышла под правым ухом, переверошив всю внутренность носоглотки. Требовалось серьезное лечение в госпитале. В сопровождении медсестры Миша был эвакуирован на самолете в Саратовский военный госпиталь. Скорая помощь быстро доставила раненого бойца к окулисту. Собрался консилиум врачей, недолгое обследование ранения, решение принято: левый глаз надо удалить. Уколы, наркоз. Операцию делал опытный хирург-окулист Семенов Виктор Васильевич, ассистировали опытные медсестры. Миша проснулся ночью, наркоз отходил медленно, а Семенов Виктор Васильевич ласково, но требовательно говорил: «Курков, просыпайтесь, довольно спать, просыпайтесь». Медсестры хлопотали как ангелы. Вроде бы, жив Курков Михаил! Перевязки, уколы, таблетки, завтраки, обеды, ужины. Потянулись томительные дни в госпитале. Ожидания и тревоги сменялись радостью победы над грозным недугом. Но иногда случалось, что смерть вступала в свои права. Но Курков победил смертишку, не для того он пришел на этот свет, чтобы так быстро расстаться с ним!

С непривычки повязка мешала, частые перевязки тереби-

ли Мише нервы. Оставаясь наедине, он теперь думал о смысле жизни, переживал о том, кому он нужен теперь – такой одноглазый, как Циклоп. Напала, откуда не ждали, депрессия. Что теперь делать, как жить без глаза?

Вскоре придя в себя, написал письмо домой.

– Здравствуйте дорогие мои, папа и братья Женя и Саша! Передаю вам большой-большой привет и добрые пожелания. Сейчас я с ранением лежу в госпитале, поправляюсь, за мной хорошо ухаживают. Соскучился по вас, как мне хочется увидеть вас и обнять. А врага, будьте уверены, мы добьем несомненно. Напишите о своей жизни и здоровье. До свиданья, целую!»

Какое у него ранение, он умолчал. Зачем? Все узнают своим порядком, если живой останется.

А над письмом своей девушке крепко задумался. Ранение тяжелое и нелюбезное, вряд ли девушке понравится одноглазый мужчина, а она такая красавица.

– Здравствуй, Эленька! Обнимаю тебя и крепко целую. Сейчас нахожусь после ранения в госпитале на лечении. Сообщать о своей ране я бы не хотел, чтобы тебя не огорчать. Но жизнь такова, что все равно когда-нибудь ты узнаешь. Ранение мое тяжелое, поэтому не хочу быть тебе обузой, ты у меня красавица, я не хочу, чтобы ты всю жизнь сожалела о своем выборе, это было бы с моей стороны нечестно. Ты можешь определять свою судьбу так, как тебе хочется. Обнимаю, целую, с любовью, Миша. У самого Миши слезы

затмили глаза, сильно разволновался... Поймет ли Эльвира его состояние. Это же потеря любимой девушки, а она может посчитать это предательством со стороны Миши. Однако он солдат и должен принимать правильное решение. Письмо опущено в почтовый ящик.

Эльвира, получив письмо от почтальона, дрожащей рукой, с волнением открыла конверт, начала читать письмо. Слезы комом застряли в горле, закружилась голова, с трудом дочитала, строчки прыгали, капала слеза, размывая чернила, к ней пришли полная растерянность и волнение. «Как же так, – думала она, – он совсем мало написал о себе и ничего не сообщает о своем ранении, что такое серьезное могло с ним случиться?» Размышляла, думала и ничего не могла придумать. Тут же на листе нервным девичьим почерком запрыгали ответные строки: «Миша, ты меня сильно огорчил своим письмом, умолчав о своем ранении, и сразу пишешь, что у нас с тобой жизнь не сложится. Я не верю, что мы с тобой расстанемся, я не смогу тебя забыть, приезжай, какое бы ранение у тебя ни было, я жду. Целую, Эльвира».

А Миша уже выписался из больницы и сразу попал в руки работников областного военкомата города Саратова, которые отправили его в распоряжение райвоенкомата одного из районов. Оттуда он был откомандирован в большое село Д. работать в школе военруком. Поселили его в старом покинутом доме, в котором хозяева давно умерли. Дом, однако, сохранился. Никто не осмеливался занять дом, стоял он си-

ротой, одинокий и несчастный. Нужен ремонт печной трубы, да подгнили некоторые доски пола. А Мише не привыкать к работе, колхоз выделил необходимые материалы, закипела работа. Дом почти что заново отстроил, а тут подошла и трудовая школьная жизнь. Директор школы, Иван Дмитриевич Смеляков, добрейший человек, к Мише присматривался, но понял, что тот – обыкновенный деревенский парень, способный не только преподавать физкультуру и военное дело, но и не новичок и в хозяйственных делах. Коллеги его приняли в свой коллектив радушно, спрашивали о фронтовых новостях, о ранении.

– Пуля – не «дура», как думают некоторые, летит туда, куда хочет попасть, – отвечал Миша. И поведал кратко историю своего злополучного ранения. Пошла школьная жизнь, тоже нелегкая, у многих детей родители на фронте, а кто-то и вовсе сирота. Но отношение к Мише в коллективе не как к инвалиду, а как к полноценному учителю.

Миша с большой ответственностью взялся за порученное дело – учить старшеклассников военному делу. А еще он вел физкультуру. Это было серьезно, ответственно. Надо и самому быть на уровне, в форме. Накануне составлял планы занятий на завтра, к урокам всегда готовился загодя, по-военному. Михаил Дмитриевич, – так обращался к нему директор школы, – мужскому составу преподавателей надо поучаствовать в заготовке дров на зиму, помочь в ремонте школы. А кто сможет выполнить такую работу в это суровое время?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.